

Гекёр О.

ГАНЗЕЙЦЫ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Оскар Гекёр

Ганзейцы

«Алгоритм»

УДК 82/89
ББК 84(4Гер)

Гекёр О.

Ганзейцы / О. Гекёр — «Алгоритм», — (История в романах)

ISBN 978-5-486-02955-4

Оскар Гекёр (годы жизни не установлены) – немецкий беллетрист, автор нескольких исторических произведений. Роман «Ганзейцы», публикуемый в данном томе, рассказывает об одной из малоизвестных страниц средневековой истории. Его герои, оклеветанные и незаслуженно исключенные из Ганзейского союза, борются за восстановление своих прав и доброго имени.

УДК 82/89
ББК 84(4Гер)

ISBN 978-5-486-02955-4

© Гекёр О.
© Алгоритм

Содержание

I. За кружкой эля	6
II. На торговом дворе ганзейцев	9
III. Дядя и племянник	15
IV. Пиршество ганзейцев	20
V. Подвиг Реймара	23
VI. Сельдяная ярмарка в Шонене[3]	27
VII. Загадочный незнакомец	32
VIII. Датчане в Визби	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Оскар Гекёр Ганзейцы

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

I. За кружкой эля

Лондон праздновал день нового, 1361 года. Мрачные времена сурового пуританства в ту пору еще не наступили для Ла, и дух игривой веселости, свойственной быту Старой Англии, живой струей, кипучим ключом бил в сердце королевства, в Лондоне – в центре богатой торговой и промышленной страны. Предки нынешних, сухих и скучных, сынов Альбиона пользовались каждым праздником, чтобы предаться веселью и утехам всякого рода, и вот почему в описываемый нами день Нового года толпы разряженных и веселых горожан всюду бродили по улицам обширного города и внутри, и вне городских стен, некогда воздвигнутых римлянами. На льду городских рвов и пригородных прудов резвилось на коньках юношество; более взрослые молодые люди забавлялись примерным боем на копьях, и около бойцов стена стеной теснилась толпа зрителей, состоявшая из почтеннейших граждан, их жен и дочерей. Но более всего тесноты и давки было на площади перед Вестминстерским дворцом, где выжидали обратного проезда лорд-мэра, с его придворным штатом: согласно давнему обычаю, лорд-мэр отправился поздравить короля с наступившим Новым годом, и король Эдуард III должен был пригласить его к своему обеденному столу. Да и стоило посмотреть на этот торжественный поезд лорд-мэра! Было там чему подивиться! Свита его состояла из камергеров и маршалов, из меченосцев и архивариусов, из капелланов и егермейстеров, из множества пажей и ольдерменов, разодетых в богатые наряды.

Но лорд-мэра на этот раз пришлось подождать, а потому и неудивительно, что некоторые менее терпеливые отделились от ожидавшей его толпы, утешая себя тем, что еще увидят главу города Лондона в тот же вечер на улице Темзы, через которую лорд-мэр неизбежно должен был проехать, направляясь к торговому двору остерлингов (так обыкновенно исстари называли англичане нижненемецких купцов, проживавших в Лондоне).

Более всего оживлены были пивные и таверны, которых в то время было в Лондоне великое множество. Со времени установления торговых сношений Англии с югом Европы, с тех пор как произведения Испании, Италии и даже Греции стали провозиться в Англию морем, вино стало быстро вводиться в общее употребление и явилось мощным соперником элю, любимому исконному напитку англичан. Даже и благороднейший рейнвейн проник в Лондон с тех пор, как Генрих II даровал право ввоза этого вина осевшим в Лондоне кёльнским купцам. Однако же рейнвейн можно было достать только в некоторых лучших тавернах, к которым принадлежала и таверна «Вепрь», впоследствии прославленная Шекспиром, избравшим ее для подвигов Фальстафа и других своих героев.

Но и не только в лучших, а и в самых плохеньких тавернах в описываемый нами день Нового года едва можно было протолкнуться, так что двое иноземных гостей едва-едва могли найти себе местечко в одной из таких таверн, в улочке Всех Святых. Двое моряков и несколько ломовых извозчиков оказали, однако же, иностранцам столько внимания, что потеснились на лавке, очищая место, причем один из них воскликнул, обращаясь к тому из двух пришельцев, который был пониже ростом:

– Ба! Мейстер Нильс! Как же это вы в Лондон прибыли и не сочли нужным разыскать здесь вашего старого приятеля?

– Вы укоряете меня напрасно, Бен! – отвечал мейстер Нильс. – Я всего только несколько часов назад прибыл в Лондон на готландской шнеке «Святой Фома».

– А! Славное судно! – заметил тоном знатока один из присутствующих моряков. – Киль – пятьдесят пять локтей, а длина палубы – двадцать три сажени.

– И корма на носу двухъярусная, – добавил другой моряк.

– Ну, значит, вам было сюда удобно плыть, – сказал Бен, который и сам владел маленьким грузовым суденышком, и частенько бывал в Визби, где и познакомился с датчанином Нильсом,

золотых дел мастером. – А как поживает ваша стройная красавица дочка, Христина? Небось все еще по-прежнему с пренебрежением отказывает всем своим женихам.

– Что будешь делать! Такой уж упрямец уродилась, – проворчал Нильс, чокаясь своей глиняной кружкой с кружкой соседа. Потом, отхлебнув пива, он поморщился и сказал:

– Ну, уж и пиво! Одна только слава!.. Такое жидкое, что его хоть бочку вытяни – не захмелеешь!

– В этом никто другой не виноват, как лорд-мэр и его ольдермены! – воскликнул один из ломовиков. – Это им, видите ли, неудобно, чтобы нам варили пиво получше да покрепче этого!

– Боятся нас спить! – смеясь, заметил старый моряк. – А ведь и при этом дрянном пиве пьянство ничуть не меньше: ночная стража не успевает подбирать всех пьяниц, которые валяются по улицам и под воротами домов!

– По-моему, – сказал Бен, – для праздника следовало бы потешить душу, пойти в винный погребок да винца хорошенького испить!..

– Черт бы их побрал – все эти погребки! – раздалось несколько голосов разом. – Эти погребки – тоже новинка, которой мы немецкой Ганзе обязаны. Кабы не она ввезла к нам вино, так нам не посмели бы давать такого пива!

– Что верно, то верно! – заметил старый моряк. – Им-то – барыш, а нам – все убыток.

И все разразились бранью в адрес нижненемецких купцов, возбуждавших в Лондоне всеобщую зависть и нерасположение к себе своим процветанием и богатством.

– Вашему сотоварищу, кажется, не очень по вкусу пришлась наша брань против немцев! – сказал старый моряк, указывая на спутника Нильса, который опустил голову на руки, грустно наморщил лоб и тяжело вздохнул.

– Ошибаетесь, почтенный друг, – перебил моряка золотых дел мастер. – Уж если кто имеет право поносить ганзейцев, так уж, конечно, мой сотоварищ, потому что эти немецкие вороны отняли у него все, и он теперь нищий!

Это заявление вызвало в присутствующих большое участие к иностранцу, и вскоре вокруг обоих датчан образовался тесный кружок.

– Мой друг, которого вы здесь видите, был богачом! – продолжал Нильс. – И много кораблей плавало по морям от его торговой фирмы! Кто не знал большого торгового дома, принадлежавшего Кнуту Торсену?

– Так это и есть господин Торсен? – воскликнули многие из присутствовавших моряков, поспешно снимая с головы свои матросские шапки (всем им доводилось перевозить грузы этой фирмы), и Бен еще сильнее подействовал на них, добавив:

– Да! Теперь я понимаю, что господину Торсену не могло прийтись по вкусу наше жиденькое пиво. Клянусь святым Георгом! Здешней таверне никогда еще не случалось принимать у себя более почетного гостя!

Сумрачное выражение несколько прояснело на лице Торсена. Он пожал руку ближайшим из своих соседей по лавке и сказал:

– Спасибо вам за доброе обо мне мнение! Мейстер Нильс не преувеличил ничего, говоря вам, что меня Ганзейский союз вконец загубил...

– И вы не единственная жертва этих хищных гильдейцев! – перебил Торсена старый моряк. – И тем более стыдно нам, независимым англичанам, что наши короли дают больше прав и привилегий этим немецким проходимцам, нежели своим собственным подданным.

– Выгнать бы их всех отсюда! – закричали многие.

– Пусть нам господин Кнут Торсен расскажет о себе, как это с ним случилось, – требовали другие.

Только по прошествии некоторого времени шум и гам приутихли, и все собрались в кружок около датчан, желая услышать то, что мог им рассказать разорившийся купец.

Он рассказывал долго, много и подробно, и когда, наконец, смолк, то шум поднялся снова. Еще бы немного, и все бывшие в таверне готовы были гурьбой двинуться к близлежащему торговому двору ганзейцев и потребовать отчета от их здешнего главы и представителя. Лондонская чернь радешенька была каждой возможности выказать ненавистным ганзейцам свое недовольство.

– Я человек миролюбивый! – сказал Кнут Торсен, стараясь успокоить присутствующих. – Я вот и приехал в Лондон, чтобы вступить в переговоры с ольдерменом здешнего торгового двора. Господин Тидеман фон Лимберг – высокоуважаемый и богатейший купец, и я надеюсь, что он поможет мне вернуть мое утраченное достояние.

– Да, коли он этого захочет! – проворчал старый моряк. – Но ведь он такой упрямец, что осмеливается идти наперекор даже и нашему доброму королю Эдуарду.

– Ну, что за диво – король! – вступился один из ломовиков. – Король безгласен перед Тидеманом, от которого он зависит, хотя еще и неизвестно, будут ли ганзейцы и впредь ссужать короля деньгами. Я слышал от своих приятелей кельнских корабельщиков, что еще намерены король давал секретно аудиенцию их землякам и совещался с ними, потому никак не мог выкупить своих клейнодов, заложенных кельнским купцам. Эти торгаши не соглашались более ждать и грозились, что пустят в оборот свой драгоценный залог... Ну так вот, Тидеману и удалось их как-то образумить. Вот-то Эдуард был этому радешенек и ольдермену Ганзейского торгового дома, вероятно, поднесет за услугу недурной подарочек!

– Да! Да! – подтвердил Бен. – Тидеман человек умный, и с тех пор, как он здесь от Ганзы поставлен ольдерменом, он не потратил времени даром. Ведь вот уж нынче кончился срок контракта, по которому сын нашего короля Черный Принц предоставил ему разработку свинцовых руд, и никто не думал, что король решится возобновить этот невыгодный для него контракт... Однако господин Тидеман сумел так его обойти!

В ответ на эти слова послышался и смех, и ропот. Когда голоса стихли, Кнут Торсен сказал:

– Быть может, я застану ольдермена в благоприятном для меня настроении, во всяком случае, хочу попытаться у него счастья...

Все в один голос крикнули: «Конечно! Попытаться следует!» Бен с удовольствием потер руки и сказал:

– Я всегда бываю рад, когда что-нибудь против ганзейцев затевается. Сегодня было бы это как раз кстати!

– Ну, вот еще! – зашумели многие. – Разве не все дни равны?

– Конечно, не все! – возразил Бен. – Сегодня вечером в большой зале торгового двора ганзейцев соберется купеческий совет, и на это торжественное заседание обычно приезжает и сам лорд-мэр; а затем ганзейцы должны будут открыть настежь средние ворота своего торгового двора, а эти ворота только раз в году и открываются...

– Еще бы они их чаще открывали! Они ведь наших кулаков порядочно побаиваются...

– Вот в том-то и дело! – заметил Бен. – А ведь в эти большие ворота мы могли бы целой гурьбой ввалиться...

– Дайте мне сначала попытаться добром поправить мое дело, – сказал Торсен, – а если меня примут на торговом дворе неласково, так тогда я прибегну к вашей помощи.

– Что ж, попытайтесь! – крикнули ему с разных сторон и с почетом проводили обоих датчан до дверей таверны.

II. На торговом дворе ганзейцев

Кнут Торсен был не пара своему сотоварищу, так как Нильс был низкого происхождения и очень плохо образован, между тем как Торсен и родом был знатен, и образование получил по тому времени превосходное. Это можно было видеть и по всем внешним его приемам. Кнут Торсен мог бы, пожалуй, прослыть и очень красивым человеком, тем более что имел благородную осанку и умное выражение лица; но выражение его голубых глаз было весьма неприятно. В его глазах светилось коварство, и то невыгодное впечатление, которое производил этот взгляд, еще усиливалось противной улыбкой, беспрестанно появлявшейся у него на лице.

Нильс был очень невелик ростом. Длинные белокурые волосы почти прикрывали весь его низкий лоб и отдельными прядями падали на глаза. Красное, лоснящееся лицо его слишком ясно указывало на то, что золотых дел мастер был большим любителем всяких спиртных напитков.

Оба датчанина направились к Ганзейскому торговому двору, расположенному повыше Лондонского моста, который, как известно, долгое время был единственным мостом, соединявшим оба берега Темзы. Обширные верфи торгового двора простирались вверх по берегу до самой южной оконечности улицы Темзы; с западной стороны двор примыкал к улице Даугэт, получившей свое прозвание от древних ворот в римской стене Лондона; с восточной – двор огибала улочка Всех Святых. Первоначально двор, заложенный кельнскими купцами, был очень мал и всей своей постройкой напоминал подобные же дворы, уцелевшие и доселе в Германии. Но с самого своего основания этот двор был для немцев местом, в котором они могли чинить суд и расправу по своим законам. Двор, собственно говоря, состоял из ряда домов, амбаров и лавок, окружавших довольно обширное пустое пространство; на этом пространстве помещались огороды, площадь для игр и воинских упражнений ганзейцев; на ней же происходили и всякие общие торговые собрания. И в других городах Европы торговые дворы ганзейцев устраивались на тот же лад, и внутренние площадки их служили как для торговых целей, так и для сходок ганзейцев. Сверх всего, упомянутого нами, внутри лондонского двора находилось еще обширное крытое помещение, или зала, для сношений с местными купцами и для собраний купеческого совета.

Одним словом, лондонский двор, построенный кельнскими купцами по образцу всех остальных ганзейских дворов, представлял собой клочок земли, окруженный высокими стенами, и на этом клочке немец не только находил верное убежище себе и безопасный склад своему товару, но и такое место, в которое он переносил свои обычаи и где чувствовал себя как дома. Когда торговые дела лондонского двора начали расширяться, то и сам двор стал возрастать в объеме, и уже в правление Ричарда II ганзейцы приобрели громадный соседний дом, примыкавший к их двору. В XVIII веке были прикуплены еще другие соседние постройки; между ними находился и очень красивый дом, который почему-то носил название Стил-хауза (Steel-house) или Стил-ярда (Steel-yard)¹.

По окончании всех этих прикупок, округлив свои владения, ганзейцы (к кельнским купцам примкнули впоследствии и другие нижненемецкие) возвели на своем участке крепкий замок, соответствовавший по устройству своему потребностям богатого средневекового торгового учреждения.

Особенно красив был фасад этого здания, выходивший с северной стороны на берег Темзы; оно состояло из нескольких этажей, и здесь-то и находились трое ворот с округлыми сводами, крепко-накрепко притворенные и обитые толстыми полосами кованого железа. Над

¹ «Стальной дом» или «Стальной двор». Название это истолковывали различно и, главным образом, производили от того, будто бы ганзейцы, купив дом, нашли в подвалах его массу стальных и железных изделий.

каждыми из ворот стояла своя, особая надпись. Одна из них указывала на то, что вступающему в Ганзейский двор хозяева его предлагают «радость и довольство, мир, спокойствие и честное веселье»; другая гласила, что «золото должно породить искусства и само должно быть плодом трудолюбия»; третья, наконец, угрожала карой тому, кто осмелится нарушить обычаи ганзейцев. Под самой крышей красовался на доме двуглавый орел – герб Германской империи. Крепкие, неприступные стены окружали «Стальной двор», захватывая в свою ограду и древнюю, круглую башню, которая принадлежала еще к римским постройкам, ограждавшим вход в лондонскую гавань. В этой башне, примыкавшей к большому залу, главному месту действия всех празднеств и публичных собраний, хранилась казна ганзейцев – их харатейные² торговые книги и важнейшие драгоценности. Внутри стен двора находилось «особое государство в государстве» – особый мир, в котором жизнь текла на свой, особый лад, подчиняясь строжайшему, почти монастырскому уставу и проявляя значительный оттенок религиозности.

В описываемый нами праздничный день все на «Стальном дворе» было приведено в такой порядок, так прибрано и подчищено, что иноземные гости, когда привратник впустил их в ворота, не заметили внутри даже и признаков того суетливого движения, которое здесь кипело с утра до вечера в будни. Нельзя было даже и предположить, что, вступая на тот клочок земли, на котором постоянно толклись купцы и приказчики из шестидесяти с лишком ганзейских городов, ворочая и громоздя тюки товаров, длинными рядами поваленных и внутри двора и на берегу, или перебегая от одной лавки к другой. Об этом обычном торговом движении можно составить себе некоторое понятие только потому, что через Ганзейский лондонский двор ввозились в Англию все известные тогда в Европе предметы торга и промысла, какие были доступны европейской торговле! Такая же тишина, как и во дворе, господствовала и на громадных верфях Ганзейского двора, окруженных высоким молотом, о который во время прилива шумно плескались волны Темзы и к которому свободно причаливали тяжело нагруженные большие морские суда.

Привратник отвел Торсена к главному сторожу дома, который принял его в своей холостяцкой каморке (по строгому обычаю ганзейского двора все служащие в нем не имели права жениться, о чем немало горевал этот старый сторож, ощущавший большой недостаток в женском уходе).

– Вы желаете, чтобы я свел вас к нашему господину ольдермену? – спросил сторож у чужеземного гостя. – Если вы пришли по торговому делу, то вам придется обождать до завтра, потому – сегодня праздник и, сверх того, наш господин Тидеман занят по горло, так как сегодня вечером предстоит ему председательствовать в большом купеческом совете.

– Я желаю быть принят в состав здешнего Ганзейского двора, а следовательно, и в состав Ганзейского союза, – отвечал Торсен.

– В качестве хозяина или в качестве приказчика? – переспросил осторожный сторож.

– Я думаю, вы об этом можете и сами судить по моим летам и по внешности, – обидчиво возразил Кнут.

– Ну, нет! – с улыбкой ответил сторож. – У нас и приказчики бывают постарше вас; а впрочем, я о вас доложу господину ольдермену, который теперь изволит быть в комнате совета.

Когда немного спустя домовый сторож вернулся с известием, что господин Тидеман готов принять иноземного гостя, Торсен заметил, что сторож зорко его осматривает.

– Меча при вас нет, – пояснил сторож, – а только кинжал за поясом. Только уж будьте добры, пожалуйста мне его сюда.

– Разве у вас ношение оружия воспрещено? – спросил Торсен, вручая сторожу свой кинжал. – А мне говорили, что каждый купец на вашем дворе должен иметь и шлем, и броню, и все необходимое оружие.

² Харатейные – писанные на харатье, или пергамене.

– Совершенно верно! – подтвердил домовый сторож. – Все живущие на здешнем дворе должны быть, действительно, во всякое время готовы к борьбе с оружием в руках, не только ради собственной безопасности, но и ради выполнения старинного обязательства, которое мы на себя приняли по отношению к городу Лондону, гостеприимно приютившему нас в своих стенах. Мы, ганзейцы, обязаны принимать участие в защите города и ввиду этого обязательства должны не только поддерживать самое здание Епископских ворот, выходящих на северную сторону города, но, если бы того потребовали обстоятельства, мы обязаны даже содержать на этих воротах стражу и заботиться об их защите.

– Тогда и я, значит, мог бы оставить при себе оружие, – сказал датчанин.

– Если бы вы были ганзейцем, то вы бы могли его сохранить у себя, в вашей каморке. А так как вы еще не ганзеец, то находящееся при вас острое оружие должно храниться у меня до самого вашего ухода. А теперь пожалуйста наверх: господин ольдермен ждет вас там.

Домовый сторож вывел Торсена из здания, в котором находилась зала собраний, провел его через небольшой садик, в котором немцы посадили несколько вывезенных из Германии лоз и фруктовых деревьев, и привел его в другой дом, поменьше первого, в котором собиралась купеческая дума. Там, за громадным прилавком, на высоком помосте, сидел за своей конторкой ольдермен.

То был человек худощавый, с седеющими волосами и резкими чертами лица. Во всей осанке его было нечто аристократическое, нечто приобретенное путем частых сношений с «великими мира сего» – с королями и князьями. Он говорил тихо и сдержанно, время от времени покашливая, и лишь очень редко позволял себе дополнить речь небольшим движением руки.

Датчанин невольно поклонился ольдермену ниже, нежели вообще имел привычку кланяться, и Тидеман ответил ему легким кивком головы. При этом он указал на один из стульев с высокой спинкой и спросил гостя о цели его прихода.

– Я желаю здесь, в Лондоне, поселиться, – отвечал Торсен, – и желал бы поступить в число членов вашего здешнего торгового двора.

Ольдермен кивнул головой и, немного помолчав, снова спросил:

– А знакомы ли вы с обычаями нашего двора? Они ведь очень суровы. Все преступающие положенные нами правила подлежат тяжкому взысканию.

– Как обойтись без порядка там, где должны господствовать мир и спокойствие? – отвечал датчанин. – А ведь все суровые предписания вашего общежития только к этой цели и направлены. Насколько мне известно, на ганзейских торговых дворах высокими денежными пенями наказывается лишь тот, кто дерзнет произнести бранное слово или дозволит себе ручную расправу; такие же точно пени положены за игру в кости, пьянство и другие подобные проступки. Все это такие постановления, которым охотно подчиняется всякий благовоспитанный человек.

Ольдермен опять кивнул головой.

– А как вас зовут? – спросил он после минутного молчания.

– Кнут Торсен.

Ольдермен поднял сначала глаза кверху, как бы о чем-то размышляя, потом перевел их на Торсена и продолжал свой допрос:

– Откуда вы родом?

– Из Визби.

– Визби? – переспросил Тидеман с некоторым удивлением. – Судя по имени, вы как будто датчанин?

– Я и действительно родился в Дании, но уже в юности переселился на Готланд.

– И вы занимались торговлей?

Торсен отвечал утвердительно.

– И ваше имя – Кнут Торсен?.. Гм, где же это я его как будто уже слышал?

Ольдермен приложил левую руку ко лбу и стал припоминать. Не ускользнуло при этом от его внимания и то, что датчанином при последних словах овладело некоторое беспокойство, которое еще более возросло, когда ольдермен подозвал к себе одного из сидевших в стороне писцов и приказал ему принести книгу постановлений Ганзы.

Прошло довольно много времени, прежде нежели посланный вернулся с громадным фолиантом, переплетенным в кожу и окованным железными скобами. Торжественно возложил он фолиант на конторку перед господином ольдерменом. В течение всего этого времени Тидеман не проронил ни единого слова. Он был до такой степени глубоко погружен в размышление, что даже не расслышал, что именно говорил датчанин, старавшийся скрыть свое смущение.

– Кнут Торсен, – бормотал про себя ольдермен, разворачивая фолиант и пробегая алфавитный список имен, упоминаемых в нем; затем быстро стал перелистывать книгу, пока, наконец, указательный палец его не остановился на одной из страниц... – Вот оно! – воскликнул ольдермен, сверкнув глазами. – «Кнут Торсен» – так и есть! – здесь-то я и вычитал это имя. Да, да, память мне не изменяет! «Кнут Торсен, купец в Визби, вследствие непорядочного способа действий и нарушения постановлений Ганзейского союза из состава членов его исключен...» Ах, милостивый государь! И вы после этого еще изъявили желание вступить в наш торговый двор? Вы преднамеренно умалчиваете о вашем прошлом, чтобы меня провести, – да! Чтобы меня провести! – повторял он, повышая голос, так как он видел, что датчанин желает перебить его. – И если бы я не обладал такой отличной памятью, то ваш обман вам бы и удался! Тогда уж я оказался бы виноват перед моими сотоварищами. Ну, сударь, надо сказать правду: это с вашей стороны было не похвально!

– Вы иначе взглянете на дело, если узнаете те поводы, которые привели к моему исключению из союза, – возразил ольдермену Торсен.

– Вы думаете? Действительно вы так думаете? – спросил ольдермен с оттенком сомнения в голосе. Затем он покачал головой, опять заглянул в фолиант и стал читать вслух следующее: – «В январе тысяча триста пятьдесят восьмого года воспоследовало в высшей купеческой думе, в Любеке, по поводу несправедливости, оказанной немецкому купцу во Фландрии, постановление: прервать всякие торговые сношения с вышепоименованной страной и приказать всем ганзейцам, дабы они не продавали там своих товаров и не получали таковые ни от фламандцев, ни от брабантцев. А кто из членов Ганзейского союза, – так написано далее в постановлении, – преступит это наше решение, тот будет лишен всего своего имущества, которое отчисляется в пользу его родного города, а он сам навсегда изгоняется из состава немецкого Ганзейского союза». А так как проживающий в Визби ганзеец Кнут Торсен не только не соблюл выданного нами постановления, но и после вступления его в законную силу продолжал, как и прежде, свои торговые сношения с Фландрией, то он признан виновным в неповиновении и нарушении верности союзу, и потому вышеупомянутое в постановлении наказание применено по отношению к нему и к его имуществу».

Ольдермен захлопнул фолиант, откинулся на спинку своего стула и зорко глянул в лицо датчанину. Суровое выражение его лица ясно говорило датчанину, что ольдермен вполне разделяет приговор, произнесенный Ганзой.

– Я вовсе и не пытаюсь обелить перед вами мой проступок, – начал Торсен не совсем уверенным голосом (и только уже при дальнейшей речи его голос стал несколько более твердым), – не стану в извинение своей вины ссылаться и на то, что транспорт фламандских и брабантских товаров уже находился в пути и был направлен ко мне в то время, когда последовало постановление любекской думы; всякий беспристрастный человек и без моих оправданий поймет, что обрушившееся на меня наказание не состоит ни в каком соотношении с совершенным мною проступком. Я был более чем зажиточным человеком и мог с истинной гордостью взирать на плоды моих трудов. И вдруг у меня отнимают все, что добыто было мной путем мно-

голетних, тяжких усилий, – делают меня бедняком!.. Мало того, я даже не смею помышлять о том, чтобы вновь начать торговлю! Я исключен из ганзейцев, я – отверженный, с которым каждый должен поневоле избегать всяких деловых сношений из опасения, что и его может постигнуть такой же суровый приговор Ганзы. Что же мне теперь делать? Как могу я теперь пропитать себя честным путем, когда мне ниоткуда нельзя ждать помощи, когда я напрасно стал бы молить даже о сострадании к себе!

Торсен умолк и выжидал ответа на свою речь. Он надеялся, что слова его побудят ольдермена к снисхождению, однако же суровое выражение лица того нимало не изменилось, и он отвечал Торсену очень резко:

– Вы бы должны были обдумать все это прежде, нежели совершили ваш проступок; тогда и судьи ваши не произнесли бы над вами своего сурового приговора. Справедливость должна стоять выше всякого сострадания.

Торсен почувствовал, что ему трудно сдержать себя. Взволнованным голосом отвечал он ольдермену:

– Если уж так судить, господин ольдермен, то пусть же суд Ганзейского союза не останавливается на полпути, пусть он судит меня по всей справедливости! Ганзейцы четырнадцатого июня прошедшего года вновь заключили мир с жителями города Брюгге, что уже и заранее можно было предвидеть, так как фламандцы и немецкие купцы не могут долго жить в разрыве. Ганзейская складочная контора вновь вернулась в столицу Фландрии, и всякие враждебные отношения прекратились. Почему же я один исключен из этого примирения? Это ли пресловутая справедливость Ганзы?

– Вы явились ко мне в качестве просителя, – произнес ольдермен спокойным и твердым голосом, – а просителю неприлично вести речь, подобную вашей. Ганза имеет полное право заключить мир с враждебной страной, не навязывая себе на руки обязательства уничтожить карательные постановления против своих членов, вызванные отношениями этих членов к враждебной стране до примирения с ней. Если бы мы так стали поступать, то наши законы потеряли бы всякое значение и явились бы пугалом, которым можно было бы разве что пугать детей, а уж никак не взрослых. Или вы думаете, что члены нашего союза стали бы относиться с уважением к нашим суровым законоположениям, если бы при каждой перемене обстоятельств могли рассчитывать на послабление или на отмену постановлений? Нет, господин Кнут Торсен, право должно оставаться правом, и, если бы вы даже были моим сыном, я не изменил бы ни одного слова в моей речи. Легко может быть, что Ганза вас и вновь примет в состав своих членов, если вы изволите обратиться к ней с нижайшей просьбой.

– Я ничего не желаю более, как только получить обратно мое законное достояние, – гордо возразил датчанин. – Если бы я этого мог добиться, то просуществовал бы и без помощи Ганзы.

– Вы вольны поступать, как вам вздумается, – сказал ольдермен тоном холодной учтивости, поднимаясь со своего места и тем самым указывая, что аудиенция окончена.

– Одно слово, замолвленное вами в мою пользу, господин Тидеман, – решился добавить датчанин с волнением в голосе, – и Ганза, конечно, помилует меня.

– Я тем менее чувствую в себе к этому склонности, – сказал ольдермен, – что и сам настаиваю на строгом применении наших законов. Вашим дурным положением вы обязаны себе самому; ведь что посеешь, то и пожнешь.

– Хорошо вам это говорить, – злобно отвечал ему Торсен, – когда вы сумели прибрать к рукам такое поле, на котором каждое зерно дает всходы!

Ольдермен слегка дрогнул, но тотчас овладел собой и замер на месте.

– Всему свету известны, – горячо продолжал датчанин, – те великие заслуги, которыми вы сумели приобрести себе расположение короля Эдуарда. Вы пользуетесь затруднительными обстоятельствами бедного короля, чтобы обогащать себя различными способами! Уж, видно, плохи были его дела, когда он мог предоставить вам на откуп подать, которую нижненемецкие

купцы должны платить за каждый тюк британской шерсти. Немудрено вам проповедовать о справедливости, когда вы так близко подсели к казенному пирогу! Но я вам попомню вашу суровость, да и не вам одному, а всей Ганзе; я...

Резкий, дребезжащий звук звонка прервал плавную речь Торсена. По знаку, данному ольдерменом, несколько слуг разом явились в помещение думы. Тидеман повелительным жестом указал им на датчанина и на дверь. Несколько дюжих рук разом подхватили датчанина и повлекли его к выходу. Немного спустя он уж очутился за порогом одной из боковых калиток «Стального двора», и калитка тотчас за ним и захлопнулась.

Торсен судорожно стиснул кулаки и произнес страшное проклятие. Затем он оглянулся кругом; переулочек, в котором он очутился, был ему незнаком. Он подозвал к себе мальчика, который, судя по конькам из бычьей кости, возвращался с катанья на льду. От него узнал Торсен, что он находится в одной из улочек, примыкающих к Даугэтской улице. Добравшись до этой улицы, он уже без малейшего затруднения вышел к тому месту на улице Темзы, где ожидал его Нильс, невдалеке, от главного входа в Ганзейский двор.

Несчастье сблизило этих двоих людей совершенно различного закала и сделало их неразлучными друзьями. Благодаря высокомерию своей дочери Христины Нильс должен был много переносить неприятностей в Визби. Большая часть его заказчиков покинула его, так что он, наконец, вынужден был отпустить всех своих рабочих. Несмотря на эти неудачи, Нильс все же обладал небольшим капиталом, половину которого он и ссудил находившемуся в тяжелой нужде Кнуту Торсену, в том твердом убеждении, что тот рано или поздно опять-таки будет принят ганзейцами в их торговую общину. Зная щедрость своего земляка, он рассчитывал получить от него богатое вознаграждение за оказанную ему услугу. Однако же Нильс совсем упал духом, услышав от Торсена о печальном исходе его аудиенции на Ганзейском торговом дворе. Сообразно своему настроению, Нильс уже готов был обрушиться на Торсена со своими жалобами и упреками, но тот, как человек тонко воспитанный, сумел внушить ремесленнику должное уважение.

Торсен хотел было направиться к той таверне, в которую они заходили с Нильсом, но Нильс сказал:

– Наши молодцы отправились далее, к Ньюгейту, хлебнуть сладенького винца в одной тамошней таверне, потому их в нынешний праздник жиденьким пивцом не удовлетворишь. Они приказали мне сказать вам, чтобы мы их там разыскали. В Ньюгейте всего-то и есть один винный погреб, который нетрудно узнать по длинному железному шесту с зеленым кустом, который выдвигается чуть не на середину улицы. А вы разве хотите воспользоваться помощью этих ребят?

– Во всяком случае, – мрачно отвечал Торсен, – я хочу отомстить и здешним ганзейцам, и тем, что в Визби и в Любеке, – добавил он, скрежеща зубами.

И они пошли по лабиринту улиц и улочек, через обширную площадь, посреди которой возвышался готический собор Святого Павла, и затем свернули в улицу, которая вела к Ньюгейту, знаменитой тюрьме, построенной еще в XII веке. В задушевной и тайной беседе, которая, однако же, вследствие сильного их возбуждения нередко становилась и очень громкой, и очень внятной, Торсен и Нильс составили план своего мщения; то быстро шагая, то приостанавливаясь для своей беседы, они поравнялись, наконец, и с длинным монастырским зданием «серых братьев» францисканского ордена, который пользовался в Лондоне большим уважением и был в дружественных отношениях с остерлингами.

– Прежде всего, мы здесь отомстим ганзейцам! – сказал Торсен, останавливаясь под одним из многочисленных окон обители и обращаясь к своему спутнику, – а там уж вы начнете ваше дело в Визби. Клянусь, что остерлинги будут обо мне помнить!

Торсен поднял руку вверх, произнося это заклинание, и затем вместе с Нильсом быстро зашагал по улице, и вскоре после того они оба исчезли под сводом указанного им погребка.

III. Дядя и племянник

Тайная беседа датчан не осталась без свидетелей.

Монах-францисканец, сидевший у решетчатого окна своей кельи над какой-то старой рукописью, услышал под окном громкий разговор и осторожно приотворил свое маленькое оконце, так как лица говоривших не были ему видны сквозь оконницы из роговых пластинок. Быть может, отец Ансельм и не сделал бы этого, потому что мирское любопытство было ему чуждо; но до его слуха доносились слова «ганзейцы» и «остерлинги» – и слова эти были произнесены с особенной злобой, а потому и возбудили его пылливость. Он и сам был родом из Любека, и старший брат его, богатейший купец Госвин Стеен, принадлежал также к этому обширному северному торговому союзу. Потому и неудивительно, что отец Ансельм решился прислушаться к разговору, который вызвал гневный румянец на его бледных щеках.

А так взволновать Ансельма было нелегко, при его добродушном характере, при его готовности все прощать и извинять! Без всякого прекословия покорился он некогда отцовскому приказанию и променял веселую мирскую жизнь на тишину одинокой кельи: любовь к отцу была в нем сильнее тяги ко всем тем наслаждениям, какие могла ему предоставить жизнь. Для того чтобы брат его мог расширить свои торговые обороты, Ансельм отказался от своей доли в отцовском наследстве: он ни в чем не нуждался, так как обитель принимала на себя заботу о его немногосложных потребностях. У него была только одна страсть – к ученым книгам, которыми он никогда не мог насытиться. И только эту страсть мог поставить ему в укор настоятель обители...

Отец Ансельм тотчас после того, как оба иноземца удалились от его окна, решился действовать. Он испросил разрешения у настоятеля и направился к «Стальному двору» – известить господина Тидемана о нападении, угрожающем ему и ганзейцам. Каждый монах «серого братства» поступил бы точно так же на его месте, потому что весь их орден состоял в самых тесных дружественных отношениях с ганзейцами и шел по следам их в самые отдаленные местности, где только они основывали свои фактории. Весьма естественно в ганзейцах, вечно боровшихся с опасностями на море, развивалось глубокое сознание ничтожества всего человеческого и потребность в духовном руководстве; вот почему всюду, куда бы ни проникали корабли ганзейцев, они строили церкви во славу Божию, во славу Того, Кто столь милосердно указывал им путь по морям. И никто из ганзейцев не пускался в море иначе, как захватив с собою на корабль священника, обыкновенно из францисканского ордена. Так, постепенно, с течением времени, между немецкими купцами и монахами излюбленного ими ордена установилось нечто вроде братства, которое для отца Ансельма тем более имело значение, что он сам сопровождал когда-то своего «брата», господина Тидемана фон Лимберга, в его прежних дальних плаваниях.

Снова раздался стук у ворот «Стального двора», и тотчас вслед за ним благочестивый францисканец появился в каморке домового сторожа. Но прежде чем он успел попросить о том, чтобы было доложено господину ольдермену о его приходе, словоохотливый старик уже успел сообщить ему, что сын Госвина Стеена прибыл из Любека.

– Как, мой племянник Реймар? – воскликнул Ансельм с радостным изумлением. – Боже ты мой, сколько же лет минуло с тех пор, как я видел его еще мальчуганом! Теперь небось уж совсем взрослый мужчина? Так он, значит, переселился в Лондон, а о своем дяде и не вспомнил? Конечно, моя одинокая келья немного может иметь привлекательного для пылкого юноши. Ну а вы-то видели этого милого юношу? Каков он из себя, и неужели же ни словечка обо мне не спросил?

Домовый сторож с досадой выслушивал эти вопросы, которые так и сыпал на него отец Ансельм, не давая ему возможности говорить.

– Да позвольте же, святой отец! Вы мне и слова не даёте сказать! Молодой господин Стеен и жив, и здоров, и вас бы, конечно, посетил в течение нынешнего же дня; но ведь сначала он должен был исполнить то поручение, ради которого он и прислан в Лондон. А поручение-то очень важное, – таинственно добавил сторож, понижая голос.

– А в чем же дело-то? Говорите поскорее, – нетерпеливо торопил Ансельм старого сторожа, который замолк не вовремя.

Сторож наклонился к уху францисканца и шепнул ему:

– Он был сегодня там, в самом Вестминстере. – Монах боязливо покосился на сторожа. – Был принят самим королем и имел у него продолжительную аудиенцию, – продолжал шепотом сторож. – Добрый Ансельм должен был даже сесть от волнения. – И его величество, – вновь раздалось у него над ухом, – изволили быть к нему весьма милостивы и даже к столу его пригласили...

Ансельм сложил руки. Сердце его ощутило великое счастье; когда еще сторож добавил к словам своим, что Реймар посажен был за столом против самого господина лорд-мэра, то Ансельму показалось, что сами ангелы вознесли его на седьмое небо.

– Молодой господин Стеен всего с полчаса как вернулся из Вестминстера, – продолжал сторож. – Он будет радешенек вас повидать. Пожалуйте за мной в думскую палату. Там он изволит быть теперь с самим господином ольдерменом.

Неожиданная радость так поразила отца Ансельма, что он совсем было позабыл о главной цели своего прихода. С сильным биением сердца последовал он за сторожем и несколько минут спустя уже держал в объятиях своего нежно любимого племянника.

– Господи Боже! – воскликнул он, с гордостью оглядывая статного юношу. – Как же ты изменился с годами! Да, да, таков был и брат мой Госвин, когда был в твоих летах. Так же точно насмешливо выступала у него нижняя губа, так же пламенно горели его очи, и такая же добрая была у него улыбка! Быстро течет время, и вот мы, бывшие юноши, теперь уж все стали седыми стариками. Счастливы тот, кто может видеть в сыне отражение своей далекой, давно минувшей юности!

Отец Ансельм все смотрел и смотрел на своего племянника, и действительно, молодец был этот Реймар Стеен, удивительно щедро наделен от природы и внешними, и внутренними качествами! Его немного старила густая темная борода, но зато она придавала некоторый мужественный оттенок всей его физиономии. Реймар и сложен был на славу; он скорее походил на храброго воина, нежели на мирного торговца – такой неустрашимой отвагой блистали его очи, такая мощь видна была в его руках, во всей его фигуре.

Искренность, с которой он отвечал на приветствия и ласки дяди, выдавала в нем человека с добрым сердцем. Итак, дядя долгое время занят был беседой с племянником, и господин Тидеман не нарушал ее: присутствуя при ней, но не вступая в нее, он смотрел с участием на встречу родственников. В лице ольдермена вовсе не заметно было при этом даже и следов того официального, должностного характера, которое он умел придавать ему: он являлся простым и милым стариком, умеющим ценить семейное счастье.

– Вы, видимо, гордитесь вашим племянником, почтеннейший отец Ансельм, – заметил ольдермен, – а потому вам лестно будет узнать, что и город Любек гордится им не менее, чем вы. Городской совет принял Реймара Стеена в число своих членов. Подумайте, как велика эта честь для вашего племянника, удостоенного ею в такие молодые лета!

Взгляд Ансельма с неопишуемой нежностью обратился на Реймара. «Как будет счастлив брат мой Госвин!» – прошептал он чуть слышно.

– Спасибо тебе, дядя, что ты теперь вспомнил о моем добром отце! – воскликнул радостно Реймар. – Его похвала для меня выше всех отличий, какие могут выпасть на мою долю на чужбине. Мы ведем такую счастливую семейную жизнь, дядя: отец, мать и сестра составляют для меня целый мир.

– Да хранит их Бог на многия лета! – набожно сказал Ансельм.

– Следовало бы и тебе также принять участие в нашем счастье, дядя.

Монах слегка покачал головой и, указывая на сердце, произнес:

– Счастье мое погребено здесь, и весь мой мир – в стенах моей кельи.

– Да нет же, дядя! – ласково возразил Реймар. – Ты должен хоть ненадолго приехать в Любек, хоть для того, чтобы быть на моем почетном празднестве.

– На почетном празднестве? – переспросил Ансельм с недоумением. – Что ты этим хочешь сказать?

– Ах да, да! – с улыбкой заметил племянник. – Ты ведь этого ничего не знаешь! На радостях я и позабыл сообщить тебе самое главное. Так слушай же, – промолвил он, помолчав и самодовольно поглаживая бороду. – На последнем заседании совета мне дано почетное поручение – провести через Зунд ожидаемую в июне Бойскую флотилию и беречь ее от всякого враждебного нападения. Мне поручают управление военным кораблем, и меня уже назначили главным его командиром.

Ансельм не мог достаточно надивиться этим высокопочетным отличиям, так как он знал, что для жителей города Любека было в высшей степени важно благополучное возвращение их Бойской флотилии. Бойи, гавань в южной Бретани, лежавшая некогда в Бурнёфской бухте, была знаменитейшей гаванью для флотов всех северных наций; все они содержали там свои фабрики и выменивали там на свои товары крупнозернистую бойскую соль, которая считалась лучшей приправой при засоле рыбы. Но туда же заходили корабли и с юга Европы – из Испании и Средиземного моря, с вином, нежными плодами и шелковыми материями, так что в течение всех летних месяцев в Бойи шел оживленнейший торг. Любекские купцы через посредство хозяев-купцов и приказчиков, находившихся на судах Бойской флотилии, делали в Бойи значительные закупки, и груз флотилии, в то время когда она возвращалась на север, к родному городу, представлял собой капитал весьма значительный. Немудрено, что тот день, когда Бойская флотилия благополучно проходила через Зунд, составлял истинный праздник для всех ганзейцев, принимавших участие в барышах и убытках этого предприятия.

– Уж я все силы употреблю в дело, – заключил Реймар свое объяснение, – чтобы добиться чести и славы в этом деле, и вот когда мы будем праздновать праздник счастливого возвращения Бойской флотилии, ты, дядя, непременно должен будешь принять участие в нашей общей радости.

– Если на то будет воля Божия и если отец-настоятель мне позволит пуститься в это странствование! Но я слышал, что на твою долю выпала еще большая честь, дорогой племянничек: ты был на аудиенции у короля Эдуарда?

– Неужто сторож разболтал? – спросил с усмешкой Тидеман. – Он никакой тайны уберечь не может.

– Да разве королевская аудиенция может быть тайной? – спросил добродушный Ансельм почти с испугом.

– Конечно, нет! – отвечал ольдермен. – В особенности по отношению к нашим верным союзникам, «серым братьям». Так знайте же, почтенный отец, что вашему племяннику удалось добиться от короля того именно, к чему мы уже издавна и тщетно стремились, а именно: ему дозволено перевезти в Любек подлинники наших привилегий, дарованных нам английскими королями, а в здешнем нашем архиве сохранить только копии. Это для нас в высшей степени важно, так как это священное для нас сокровище подвергается здесь постоянной опасности благодаря всяким смутам и буйству лондонской черни...

– Это совершенно верно, – заметил с живостью Ансельм, – и вот из-за этой самой черни, которую теперь опять стараются замутить разные иноземцы, – из-за нее-то я к вам и пришел сегодня...

– Ты сейчас еще успеешь об этом рассказать нам, дорогой дядя, – перебил Реймар Ансельма, – но прежде позволь мне указать тебе на причину, по которой король соблаговолил дать свое согласие на мое представление: из слов господина ольдермена, который уж слишком дружелюбно ко мне относится, ты можешь получить о моих заслугах более выгодное мнение, нежели они того стоят. Король Эдуард заложил свою корону и царственный убор своей супруги-королевы городу Кёльну, и эти сокровища долгое время лежали у кёльнцев в залоге, и он ни теперь, ни в ближайшем будущем не имел бы возможности их выкупить. И вот балтийские ганзейцы сговорились с товариществом здешнего «Стального двора», выкупили бриллианты на свои собственные деньги, и мне на долю выпало счастье и честь возвратить сегодня королю его драгоценные клейноды. Понятно, что при таких обстоятельствах он не мог отказать нам в нашем ходатайстве относительно подлинных актов наших привилегий, а добиться этого было нетрудно: не было в том никакой заслуги!

– Да, да! – подтвердил Ансельм. – Немецкому прилежанию и немецким деньгам английские монархи многим обязаны; только благодаря этой поддержке и мог вести борьбу Черный Принц и одержать свои блестящие победы при Креси и Пуатье. Тем более тяжело мне видеть, что здешние ганзейцы должны ежеминутно озираться и быть готовыми к отражению коварных нападений лондонской черни, и нельзя не признать величайшим злодейством то, что это пламя ненависти к немцам еще поддерживается и раздувается иноземцами!

– Вы, кажется, хотели нам нечто сообщить по этому самому поводу, почтенный отец Ансельм? – сказал ольдермен.

– Да, да! – подтвердил монах и передал дословно разговор, подслушанный им под окном его кельи.

– Так вы думаете, что это были датчане – те, что затевали против нас нападение? – спросил ольдермен. – Не можете ли вы описать мне внешность этих обоих молодых?

Ансельм очень охотно исполнил его желание, и не только ольдермен узнал в описываемом лице Кнута Торсена, но даже и Реймар.

– С этими обоими датчанами, – сказал Реймар, – я ехал сюда на одном корабле из Любека. Я знал их обоих в Визби. Золотых дел мастер Нильс там пользуется очень дурной репутацией, и меня удивляет то, что Торсен мог с ним сойтись. Торсен ходатайствовал перед любекским советом об отмене произнесенного против него приговора, однако же его ходатайство встретило препятствие, сущность которого мне неизвестна. Во время всего плавания сюда Торсен постоянно смотрел на меня очень враждебно, хоть я не принимал никакого участия в решении его судьбы.

– Он принадлежит к числу тех безумцев, которые непременно хотят головой пробить стену, – презрительно заметил ольдермен, лишь вскользь упомянув о своем свидании с Торсеном.

– И он, и его сотоварищ задумали непременно вам отомстить, – начал было отец Ансельм, – а потому будьте, пожалуйста, осторожны, господин Тидеман, и обратите внимание на мое предупреждение.

– Не боюсь я мщения этого датчанина, – перебил Ансельма Тидеман с гордым сознанием собственного достоинства. – Этот датчанин слишком слаб и ничтожен, чтобы повредить нашему союзу даже и здесь, на чужбине.

– Да ведь лондонскую чернь немудрено поднять, – заметил Ансельм, – да притом же головы-то у всех подогреты излишними возлияниями по поводу сегодняшнего праздника.

– У нас везде расставлены ведра с водой – вот мы им головы-то и остудим!

Монах пожал плечами и сказал:

– Никакой опасностью не следует пренебрегать! Иногда маленькая случайность способствует тому, чтобы от искры раздуть пожар.

– Благодарю вас за ваше предупреждение, – сказал ольдермен, посмеиваясь, – но не могу, однако же, не высказать, что вы смотрите на дело уж слишком мрачно. Одиночество, среди которого вы проводите жизнь в вашей келье, населяет ваше воображение такими страшными видениями, каких в действительности вовсе не существует. А вы, господин Стеен, – добавил он, обращаясь к Реймару, – конечно, с удовольствием желали бы проводить вашего дядю, и я вам разрешаю эту отлучку. Но я прошу вас о своевременном возвращении, так как ровно в 9 часов вечера решетка перед воротами нашего двора опускается и никто уже не может быть впущен во двор ранее завтрашнего утра.

– О! Я вернусь гораздо ранее! Как ревностный ганзеец, я ни в коем случае не опоздаю на сегодняшнее торжественное вечернее собрание.

Ансельм хотел было еще распространиться о том же предмете, но Тидеман кивнул дружелюбно и дяде, и племяннику и вернулся к своим занятиям.

IV. Пиршество ганзейцев

Неутомимо работал Тидеман до самого наступления сумерек; затем отложил перо в сторону, запер в стол бумаги и документы и пошел в большую залу собраний, где и должны были вечером собраться почетные гости. Зорким взглядом окинул он кругом себя, как бы желая убедиться, все ли находится там в надлежащем порядке.

Вокруг высокого камина и вдоль по всему искусно разукрашенному деревянному карнизу тесным рядом были выставлены серебряные и оловянные сосуды, праздничная утварь торжественных собраний, на которые созывались почетные гости. Между этими сосудами было много всяких чужеземных диковинок, привезенных из-за моря. Ольдермен не нашел здесь ничего, требующего исправления, к великому удовольствию окружавшей его толпы слуг, и затем обратился к обзору стен, увешанных коврами. Здесь он сделал кое-какие изменения, потом осмотрел главный стол, стоявший на возвышении, предназначенный для хозяев и уставленный богато вызолоченными кубками. Потом обошел длинные столы, приготовленные для приказчиков; кстати, заглянул и в кладовую, смежную с залой, и, убедившись в том, что массивный железный сундук, служивший хранилищем харатейных грамот и важнейших драгоценностей, накрепко заперт, направился в кухню, где по стенам как жар горели ярко вычищенные кастрюли, блюда и сковороды, а около очага сутились повара, приготовляя к вечерней трапезе обычные рыбные блюда.

Ольдермен, по-видимому, остался вполне доволен осмотром, и так как приближался час, назначенный для собрания, то он приказал слугам зажечь свечи в различных фигурных подсвечниках и люстрах, которые были привешены и к потолку, и к боковым колоннам залы и сделаны были в виде сирен, кораблей, оленьих рогов, венков и гирлянд.

Господин Тидеман фон Лимберг принадлежал к числу тех деловых людей, лица которых редко освещаются лучом мимолетной улыбки, пока они заняты исполнением своих обязанностей. В этот вечер ольдермен казался еще серьезнее обыкновенного и даже с некоторой тоской обводил он глазами эту ярко освещенную залу, вспоминая, как часто он здесь обращался с речью к своим сотоварищам и как часто видел здесь изъявление уважения к себе не только со стороны ганзейцев, живших на лондонском дворе, но и со стороны местных городских властей, и со стороны иноземных делегаций.

В нынешний вечер всем этим почестям наступал конец, так как он, по положениям «Стального двора», должен был сегодня, в определенный срок, сложить с себя обязанности ольдермена. Мало того, в ближайшие два года он не мог быть вновь избран. Тяжелая ответственность и масса труда выпадали на долю того, кто бывал избран на должность ольдермена лондонского торгового двора! Кроме внутреннего управления двором он должен был ведать и всей заграничной корреспонденцией и так пристально следить за ходом торговли, что каждая фактура выгружаемого во двор или вывозимого со двора товара должна была носить на себе его собственноручную подпись. Правда, у ольдермена было два помощника, которые значительно облегчали его труд; однако же главная доля работы и надзор за общим течением дел лежали все же на нем одном. Тидеман был педантически предан исполнению своих обязанностей, даже в воскресенье и праздники он до самого вечера работал в своей конторе, и все же он весьма неохотно слагал с себя свои обязанности и возвращался к своему собственному делу, которое между тем вели его сыновья. Жизнь казалась ему пустой без усиленной работы, а его богатство представлялось ему ничтожным без почестей, сопряженных с его положением. И в том, и в другом отношении его совершенно удовлетворяла занимаемая им должность, и он чувствовал себя здесь всесильным владыкой. Нелегко было ему со всем этим расставаться.

Все гости, в полном составе, собрались к назначенному часу, и только знатнейший и почетнейший из них, лорд-мэр, заставил себя несколько подождать. Однако же и он наконец

явился со всей своей свитой и был самым торжественным образом встречен ольдерменом и его сотоварищами по лондонскому двору. После обычных поклонов и приветствий господин Тидеман передал ему, согласно установленному обычаю, пару новых перчаток, в которые завернуты были пятьдесят розеноблей (равны 100 нынешним маркам), между тем как слуги ольдермена подносили ему другие новогодние подарки: бочонок лучшей икры и несколько бочонков сельдей. Кроме лорд-мэра подарки были поднесены, из числа гостей, почтовым чиновникам, представителям адмиралтейства и служащим в государственной канцелярии – всем по паре перчаток со вложенными внутрь их золотыми монетами; а таможенным надсмотрщикам роздано двадцать фунтов стерлингов, конечно, для того, чтобы они не слишком сурово исполняли по отношению к ганзейцам свою щекотливую обязанность.

Когда все гости расселись по своим местам, господин Тидеман держал прощальную речь, в которой подчеркнул то обстоятельство, что король Эдуард соблаговолил наконец дать согласие на давнее ходатайство ганзейцев – дозволил перевезти подлинники привилегий «Стального двора» в Любек и объявил, что это дело возложено на господина Реймара Стеена, которого и представил собранию. Затем он высказал всем сотоварищам глубокую признательность за то повиновение, которое они ему оказывали постоянно в течение его трудного служения ольдерменом, и тотчас перешел к выборам новой купеческой думы, которая должна была состоять из двенадцати членов, двух товарищей ольдермена и девяти помощников.

Выборы происходили в определенном порядке, при котором приняты были во внимание присутствовавшие на собрании лица различных ганзейских городов. Эти резиденты, точно так же как и все ганзейцы «Стального двора», разделялись на три части. Кёльн с городами, лежащими за Рейном, составлял одну треть; Вестфалия с нижнерейнскими, саксонскими и вендскими городами составляла другую треть; а прусские и лифляндские города с Готландом – третью. Новый состав думы образовался таким образом: присутствующие кёльнцы избрали четырех членов из второй трети; вестфальцы – столько же из прусской трети; а пруссаки и лифляндцы – столько же из первой, кёльнской трети. Затем тайной подачей голосов избран был из тех же двенадцати членов думы новый ольдермен. Преемником Тидемана на этот раз оказался кёльнский купец, пользовавшийся большой известностью между ганзейцами. Вслед за тем из числа избранных восьми сочленов второй и третьей групп были назначены двое товарищей ольдермена, и все эти новоизбранные, с новым ольдерменом во главе, выступили вперед и принесли старому ольдермену следующего рода клятву:

«Обязуемся те купеческие права и вольности, которые составляют привилегию ганзейцев в Англии или где бы то ни было в других странах, охранять всеми силами и клянемся во всех торговых делах, без пристрастия и лукавства, соблюдать справедливость по отношению к каждому, кто бы он ни был – богач или бедняк. И в том да будет нам Бог помощник и все его святые!»

Все собрание произнесло единогласно «аминь!», подтверждая тем самым, что все клятву слышали и приняли.

Затем господин Тидеман вручил своему преемнику ключ от казны и от главного сундука, который двое слуг внесли в залу. Новый ольдермен должен был испытать замок его и заглянуть внутрь его, на содержимое, и объявить, что он все нашел в наилучшем порядке. Сундук после этой церемонии был унесен обратно в башню; избранные девять помощников и двое новоизбранных товарищей приведены были новым ольдерменом к присяге, и, наконец, присутствовавший на собрании священник местного прихода Всех Святых прочел заключительную молитву и отпустил.

Этой молитвой закончилось обычное торжественное заседание думы, и начался пир. Музыканты разместились на эстраде, чтобы увеселять музыкой пирующих. Стали разносить вина в больших серебряных кружках, и разнообразные сорта вин ясно указывали на богатство погребов «Стального двора», точно так же как и разнообразие блюд красноречиво говорило о

широко раскинутых связях ганзейского товарищества, потому что на этом пиршестве можно было ознакомиться с кулинарными диковинками и лакомствами чуть ли не всех стран света.

Общее веселье овладело всеми гостями, и присутствовавшие на пиршестве многочисленные приказчики должны были проникаться гордым сознанием того, что и они также составляли известную единицу в среде обширного и могущественного Ганзейского союза. И как было не гордиться? Сам лорд-мэр поднялся со своего места и предложил самый лестный тост за процветание всего их сословия.

И вдруг – нежданно-негаданно – какой-то странный, резкий звук нарушил общий гул веселья... и в зале, словно по мановению волшебного жезла, все стихло. Этот звук, так внезапно нарушивший пиршество, долетал откуда-то с улицы, издалека. Но он быстро возрстал и усиливался, и вскоре стало ясно, что это был рев и гул толпы, приближавшейся к «Стальному двору», как о том донесли перепуганный привратник и домовый сторож.

– Ну, значит, дядя верно предсказал и не слишком преувеличил опасность, – заметил Реймар Тидеману, быстро поднявшемуся с места. Тот побледнел. Во время своего управления «Стальным двором» Тидеману однажды уже пришлось выдержать нападение разъяренной черни, и он уже знал, с какими это сопряжено опасностями.

– Все к оружию! – раздался голос нового ольдермена, и все сидевшие за столом хозяева и приказчики бросились по своим каморкам – вооружаться.

Когда они снова вернулись в залу в полном вооружении, лорд-мэр заявил следующее:

– Я прошу вас всех о том, чтобы вы не спешили употребить в дело оружие, ибо я убежден, что вся эта смута в народе стихнет и народ спокойно разойдется по домам, как только узнает, что я сам присутствую здесь, на вашем «Стальном дворе».

– Да будет исполнено по желанию вашему, уважаемый лорд, – отвечал ольдермен, и все гильдейцы в знак согласия своего ударили по мечам своим.

А между тем долетавший с улицы шум все усиливался. Слышались даже дерзостные клики: «Давай нам сюда ганзейцев!»

Несколько слуг разом вбежали в залу и доложили, что бунтовщики намереваются приставить к стенам и воротам лестницы и этим путем проникнуть внутрь «Стального двора». Крик негодования раздался в зале, и все ганзейцы, не дожидаясь дальнейших приказаний ольдермена, бросились во двор. За ними последовал и лорд-мэр, сопровождаемый Тидеманом и его преемником.

V. Подвиг Реймара

Громко звучали удары топоров в крепко запертые ворота, и мрак ночи был зловеще освещен ярким пламенем смоляных факелов. Проклятия и угрозы слышались со всех сторон, пока наконец не раздался из-за ворот голос ольдермена:

– Из-за чего вы шумите?

Тогда вдруг все стихло на несколько мгновений, а затем несколько сотен голосов разом завопили:

– Отворяйте ворота и впускайте нас!

– Кто вы такие и чего вам нужно в такой поздний час на «Стальном дворе»? – переспросил ольдермен.

– Сами узнаете, когда нас впустите! – воскликнул насмешливо один какой-то голос. Эти слова встречены были общим хохотом. Тотчас вслед за этим несколько голосов заревело из толпы:

– Отворяйте, что ли, калитку, а не то мы подрубим у вас ворота!

– Сначала скажите, чего вы желаете, – возразил ольдермен, – тогда мы вступим с вами в дальнейшие переговоры.

– Где тут у вас Тидеман фон Лимберг? – заревели голоса. – Выдайте его нам, тогда мы вас оставим в покое.

– Я здесь! – смело отозвался Тидеман. – Чего вы от меня хотите?

– Вы должны перед нами быть в ответе! – послышалось опять из-за стены. – Вы сегодня прогнали с вашего двора одного честного малого, нашего товарища! Вы и со всеми нами поступаете так же высокомерно!

– Давайте нам сюда Лимберга! – раздалось с разных сторон, и новые удары топоров посыпались на ворота.

Тогда вдруг защелкали и зазвенели тяжелые замки и запоры ворот, и к великому удовольствию толпы, медленно стали поворачиваться на своих петлях обитые толстыми скобами половинки ворот. Передние крикуны из толпы готовы уже были ринуться во двор, когда сзади их схватили и заставили остановиться: перед изумленным народом явился сам лорд-мэр!

– Его милость господин лорд-мэр!

И действительно, глава города Лондона стоял у входа на «Стальной двор» среди своей многочисленной свиты. Гневно обратился он к толпе, в рядах которой сразу заметил много учеников и подмастерьев из ремесленного класса. Этим мальчишек прежде всего спросил лорд-мэр: не пожелают ли они отправиться в Ньюгейт, посидеть за решеткой?

Слугам своим он приказал поймать нескольких из числа этих мальчишек; затем громко обратился к остальным:

– Эгих я выхватываю из вашей толпы, но и всем остальным заявляю, что ни с кого не будет взыскано, если вы теперь же и немедленно разойдетесь по домам. Иначе мы через захваченных нами узнаем имена главных зачинщиков смуты и применим к ним высшую меру наказания. Постыдно уже и то, что здесь, в толпе, я вижу такое множество людей зрелых и взрослых, которые настолько безнравственны, что увлекают с собою в смуту и несовершеннолетних ребят.

Все мастерские разом отхлынули в сторону, между тем как захваченные лорд-мэром ученики и подмастерья подняли громкий рев.

В народе послышался ропот, но лорд-мэр, нимало не смущаясь, спросил:

– Из-за чего вы бунтуете? Или вы с жиру беситесь? Может быть, вам еще налогов мало? – Ропот усилился. – Или вы все такие трусы, что передо мной и ответа держать не смеете?

Тогда выступили из толпы Бен и тот старый моряк, с которыми мы уже утром познакомились в пивной.

– Не в обиду будь вашей милости, – заговорил старый моряк, перебирая в руках свою шапку, – если мы в такой поздний час собрались и пришли сюда, то, право, только ради того, чтобы добиться справедливости...

Багрово-красный цвет лица говорившего и маслянистый блеск его глаз слишком ясно указывали на то, что он сегодня хватил хмельного через край. То же самое можно было сказать и о Бене, и о прочих крикунах.

– Лучше бы вы пошли домой да проспались бы хорошенько, чтобы хмель-то свой повыветрить, – сказал лорд-мэр. – А вы вместо того еще и другим спать не даете и нарушаете ночной покой города! Разве вы не знаете, чему вы подлежите по закону за подобный проступок?

– Мы хотим только добиться правосудия, – отвечал старый моряк. – Ганзейцам следует задать порядочную трепку – и мы им трепку зададим; а потом преспокойно разойдемся по домам. – Новые крики и смех раздались из толпы. – Ганзейцы здешние, – продолжал, ободряясь, моряк, – уж слишком высоко нос дерут, и нам от них солоно приходится!

– Так, так! – вторила толпа.

– Ведь вот небось они нас на свои верфи не пускают! – заорали в толпе ломовые извозчики.

– И нам тоже нет от них никакого заработка! – кричали в свою очередь корабельщики.

– Небось все только немцам да англичанам ход дают! – вступился Бен. – И эти ганзейцы пользуются дружбой Англии, лопатой гребут здесь деньги и за все это у нас же, из-под носа, заработок наш отбивают.

– Вон их из Лондона и из Англии! – ревела толпа.

– Именно так! – подтвердил старый моряк. – И прежде всего следует в трубу выпустить Тидемана, потому что он хуже их всех!

Лорд-мэр убедился в том, что без вооруженной силы ничего не поделаешь с пьяной толпой, а потому ограничился тем, что еще раз обратился к ней с увещеваниями и предостережениями.

Он потребовал, чтобы толпа спокойно разошлась по домам и обратилась бы на следующий день с жалобой в его канцелярию. Затем его слуги очистили ему путь через толпу, которая очень охотно расступилась и молча дала дорогу лорд-мэру и его свите.

Но едва только представитель города скрылся из виду, как шум поднялся снова и толпа стала ломиться в ворота, вновь захлопнувшиеся за лорд-мэром.

Между тем как часть нападающих изо всех сил, всеми возможными инструментами и орудиями старалась открыть или пробить ворота, другая часть толпы приготовилась лезть на стены по приставленным лестницам. Третьи, наконец, раскручивая смоляные факелы, старались осветить как можно ярче стены и ворота двора и потрясали ими с диким, неистовым криком.

Первые из мятежников, взобравшиеся на стены, были встречены градом мелких булыжников, которыми ганзейцы угостили их из своих самострелов. Рев и крики тех, кому пришлось отведать этого угощения, еще увеличили ярость нападающих, которые начали бросать через стену горящие головни и тем вынудили ганзейцев сойти со стены.

Как раз в эту критическую минуту с западной стороны двора раздались пронзительный крик и громкие возгласы победы, и вслед за тем несколько ганзейцев разом закричали: «Боковая калитка с Даугэтского переулка взломана, и вооруженная толпа ворвалась оттуда».

– Сюда!! На помощь!!! – раздались крики изнутри здания, в котором помещалась ратуша, и поспешно бросившиеся туда ганзейцы уже издали услышали звонкий стук мечей.

И действительно, там кипела настоящая битва, и бились не на живот, а на смерть.

После ухода лорд-мэра Тидеман и Реймар поспешили в контору, чтобы там собрать и припрятать важнейшие письменные документы. Исполнивши это, они направились в залу заседаний, чтобы позаботиться о важных документах, хранившихся в главном сундуке кладовой. В это самое время вооруженные люди ворвались на боковую лестницу, которая вела в здание со стороны Даугэтского переулка. Во главе ворвавшихся были Торсен и Нильс. Первому из них пришла в голову счастливая мысль повести своих пособников в обход к той маленькой калиточке, из которой его сегодня утром выпроводили со двора. Замок у калитки оказался не особенно крепким, и какой-то слесарь сумел его взломать без особого труда.

По счастью, ворвавшиеся на лестницу люди не могли ни окружить, ни обезоружить Тидемана и Реймара, потому что лестница была узенькая и двое людей с трудом могли по ней взбираться рядом. Таким образом, обоим ганзейцам пришлось биться только против Торсена и Нильса, хотя толпа и сильно напирала сзади.

Тидеман плохо владел мечом – его дело было писать бумаги и сводить счета; а потому судьба обоих ганзейцев зависела исключительно от силы и ловкости Реймара, который в данную минуту вдвойне возблагодарил отца своего за то, что тот обучил его и воинскому искусству.

Реймар действительно оказался превосходным бойцом, который не только сумел отражать удары, наносимые обоими противниками, но еще и сам нападал на них энергично и сильно.

– Подите прочь, Реймар Стеен, – кричал ему Торсен, – нам не до вас нужно добраться! Пусть Тидеман фон Лимберг сам попробует защититься!

– Один – против целой шайки! – гневно отвечал Реймар, нанося жестокий удар Нильсу, который между тем собирался проколоть кинжалом левую ногу мужественного бойца.

С криком рванулся Нильс назад, и на место его выступил какой-то рыжий моряк.

– Еще раз, Реймар Стеен, – продолжал Торсен, которому вся кровь бросилась в голову, – знайте, что я ничего против вас не имею, хотя ваш отец и враг мне! Отстранитесь от борьбы!

– Нет! Против людей, врывающихся с улицы, буду биться до последнего! – кричал Реймар. – Стыдно вам, что вы, некогда принимавший участие в нашем общем союзе, вы, некогда бывший таким честным и почтенным купцом, позволяете себе принять участие в таком темном деле! – И вновь скрестились мечи и раздался их стук.

– Убирайтесь с вашими укорами! – кричал Торсен. – Что я делаю, за то я и отвечаю!

– Ха, ха, ха! Вот как! Потому-то вы и приходите сюда, «как тать во нощи»!

– Ты мне заплатишь за это, – кричал датчанин, потому не я вор, а вы, ганзейцы, – вы все воры, вы украли у меня все мое состояние. Ну вас всех к черту – в пекло!

И с неистовой яростью он устремился на Реймара. Тот должен был подняться еще на две ступеньки. Датчанин последовал за ним, совершенно ослепленный бешенством и нанося удар за ударом. Реймар видел, что с этим безумцем борьба становится невозможной, и отступал шаг за шагом, пока наконец не очутился на самом верху лестницы. А толпа все лезла и лезла вверх и через несколько минут заняла площадку, с которой несколько дверей вели в ратушу. Реймар и Тидеман с большим трудом могли отбиться от нападающих настолько, что им удалось проскользнуть в дверь конторы. Но и сюда рвались Торсен и сопровождавшая его толпа. Когда Реймар увидел, что только мечом он может спасти своего старшего товарища, он с такой непреодолимой силой набросился на разъяренного датчанина, что тот не выдержал натиска, поскользнулся и при падении выронил из рук оружие. Тогда Реймар наступил ему своей мощной ногой на грудь и, взмахнув мечом, крикнул толпе:

– Или вы все сейчас же уберетесь отсюда, или я проколю датчанину его коварное сердце!

С изумлением взглянули бунтовщики на храброго ганзейца – и вдруг услышали недоброе... По главной лестнице, которая вела в залу из садика, поспешно бежали на помощь Тидеману и Реймару вооруженные ганзейцы, в шлемах и доспехах. Толпа сразу дрогнула и побе-

жала. Торсен рванулся с земли, с отчаянным усилием поднялся на ноги и бросился вслед за своими пособниками. «Тебе еще это припомнится!» – крикнул он Реймару, убегая.

Молодой любечанин только с презрением посмотрел ему вслед и поспешил обратиться к ослабевшему от испуга Тидеману, утешая его тем, что опасность уже миновала.

Подоспевшие молодцы бросились вниз по лестнице вслед за убежавшими бунтовщиками, которые, однако же, успели удалиться через открытую калитку и вновь направились на улицу Темзы, на соединение с главной толпой черни.

Но уже издали слышались крики: «Городская стража приближается!» Толпа заколебалась... Крики стали ближе и слышнее, а в то же время с северной стороны показался вдали свет фонарей и факелов, освещавших путь подходившей городской страже. Тут уж все кинулись врассыпную, кто куда! Давай только бог ноги!

Но толпе, бушевавшей перед главным входом в «Стальной двор», было нелегко разбежаться и ускользнуть от рук стражи, которая сильными отрядами наступала изо всех улиц, выходящих на берег Темзы, и приближалась к «Стальному двору» с двух противоположных сторон, освещая себе путь ярко пылавшими небольшими котелками со смолой, вздетыми на длинные шесты. Лорд-мэр еще вовремя успел отправить стражу на помощь ганзейцам! И лишь очень немногим из бунтовщиков удалось попрятаться и притаиться в излучинах берега Темзы: большинство захвачено было стражей и отведено в тюрьму, где и подверглось тяжким наказаниям.

VI. Сельдяная ярмарка в Шонене³

Июльское солнце палящими лучами освещало эфирно-голубое Балтийское море, сверкавшее тысячами огней, словно поверхность громадного граненого сапфира. Теплый, мягкий ветерок порхал над морем, по волнам которого двигалась масса кораблей.

Подобно лебедям-великанам, они неслись к берегам Шонена, и цель их плавания была самая мирная – лов сельдей.

В то время Балтийское море составляло главный рыбный запас Европы. Рыбы водилось и ловилось в нем великое множество; устья рек кишмя кишели форелями и разными породами лососей; киты, пугавшие мореходов, были в Балтике не диковинкой; а около побережья ловилась в огромном количестве камбала.

Но главную добычу остерлингов составляли несметные косяки сельдей, периодически появлявшиеся в Балтийском море. До самого конца XII века сельди постоянно водились у Померанского берега, и такими густыми массами, что в период времени между днем Святого Якова и Святого Мартина их можно было ловить с берега и руками, и корзинами. Сельдь очень скоро сделалась любимым постным блюдом на всем севере Европы и стала доставлять вендским приморским городам – Любеку, Висмару, Росток, Штральзунду и Грейфсвальду – огромный доход и даже сделалась главным источником их благосостояния. Но ведь сельдь прихотлива и переменчива, а потому в XIII веке она вдруг изменила направление своих странствований и пошла вдоль низменных берегов Шонена. Ганзейцы тотчас поспешили за нею следом со своими кораблями и только тогда успокоились, когда получили в Швеции на лов сельдей привилегию и дозволение основать свои колонии.

С тех пор ко времени лова сельдей стали к Шоненскому берегу приплывать сотни ганзейских кораблей. Они обыкновенно совершали свои плавания по нескольку вместе, потому что в то время редкий корабль решался пускаться в море в одиночку: на море ему всегда грозила встреча с морскими разбойниками.

Корабли, в которых ганзейцы совершали свои морские путешествия, носили особое название – когге (а русские называли их обыкновенно шнеками). Они отличались всем своим складом от образца древних классических галер, по которому еще продолжали строиться суда на Средиземном море: им придавался своеобразный вид более округлыми очертаниями корпуса, высокими бортами, мощным и резко выдающимся килем и толстой высокой мачтой, на верху которой помещалась округлая сторожевая будка с зубцами.

Между теми шнеками, которые в описываемый нами июльский день направлялись к Шоненскому берегу, одна, принадлежавшая любекскому купцу Госвину Стеену, была особенно красива. Он и сам плыл на ней, и управлял ею, так как ганзейский купец, вообще, не только руководил торговлей из своей уютной конторы, он умел владеть не только пером, но и кораблем, и мечом. Ему постоянно приходилось опасаться врагов в открытом море, и уже смолodu он закалялся в борьбе с опасностями и невзгодами всякого рода. В мелких стычках с пиратами образовались те герои, которые впоследствии, становясь бюргермейстерами, умели вести своих сограждан к победам на суше и на море.

Однако же тот, кто бы теперь увидел господина Госвина Стеена на борту его шнеки, едва ли узнал бы в нем богатого и высокоуважаемого купца, так как он, по обычаю всех северных моряков, одет был в грубую фрисландскую куртку, поверх которой носил кольчужную рубашку. С уверенностью старого мореплавателя отдавал он нужные приказания, и его «ребята» выполняли все его указания самым тщательным образом, слишком хорошо зная неумолимую строгость своего хозяина. Даже те распущенные, своевольные молодцы, которые были приняты

³ Шонен – современное написание: Шаннон.

Госвином Стееном только на одно плавание, для обороны от нападения морских разбойников на обратном пути, – даже и эти морские ландскнехты выказывали ему большое уважение.

Кто видел Реймара, тот уже мог составить себе полное понятие о его отце: вся разница была только в том, что борода у Госвина была седая и в глазах его уже не было того пламенного блеска – взгляд их был спокойнее и строже. Неутомимо ходил Госвин взад и вперед по палубе своего корабля, отдавая приказания короткими, отрывистыми фразами и покрикивая на отсталых и ленивых в работе матросов. А если случалось, что Госвин останавливался на минуту и устремлял свой взгляд в синюю даль, тогда на лице его можно было ясно прочесть глубокое раздумье, даже беспокойство и волнение.

От такого именно раздумья отвлек его рыжебородый рыбак, у которого светло-голубые глаза светились добродушием. Насупив брови и почесывая в затылке, он спросил:

– А что, господин Стеен, не начать ли мне понемножку сети-то из трюма на палубу выгружать? Скоро ведь и якорь бросить придется, потому вон уж и Фальстербо вдали показываться стал.

Купец глянул вдаль, на выходивший из-за моря остров и отвечал:

– Что ж, выгружай, Ганнеке. Только смотри, как будешь причаливать, чтобы наши люди не затевали никакой ссоры с датчанами. Мир и спокойствие – прежде всего.

– Ну, господин Стеен, – простодушно ответил Ганнеке, – ведь уж вы меня знаете. Посмеют ли наши ребята завести какую ссору в моем-то присутствии! Хотя, правду сказать, иногда и кипит на сердце против этих датчан, потому самому, что они... они... как бы это сказать? Ну, одно слово – датчане, и, значит, народ этакий неподходящий... А уж в особенности теперь, как они себе Шонен-то присвоили... Однако вы будьте спокойны, господин Стеен, это ведь они только касательно сельдей.

Хозяин машинально кивнул головой в знак согласия, потому что его собственные мысли носились где-то очень далеко, хотя его дурное настроение духа вызывалось отчасти и неожиданным захватом Шонена датским королем Вольдемаром IV.

Шонен в былые годы принадлежал Дании вместе с Готландом и Блекингеленом, но был заложен Голштинии и в двадцатых годах XIV века добровольно подчинился Швеции, выплатившей за него всю сумму долга. Шведский король Магнус II, возбудивший против себя ненависть в народе своим дурным управлением страной, в 1360 году уступил, однако же, Шонен, Готланд и Блекингелен Вольдемару Датскому, по договору, которым Вольдемар обещался помогать Магнусу датским войском в случае междоусобной войны внутри государства. Стремление датского короля к завоеваниям тем более должно было тревожить ганзейцев, что они уже исстари должны были опасаться могущества этой страны, много раз угрожавшего великим ущербом их торговым интересам. Правда, Вольдемар уважал привилегии, выданные ганзейцам на Шонен; но надолго ли? Это было бы трудно сказать утвердительно при его характере. Недаром его в народе называли аттердагом (завтрашником), так как он любил всегда обдумывать каждый свой шаг и откладывать решение каждого дела на завтра.

Но Госвин Стеен, наконец, совладал со своим настроением и опять стал ходить взад и вперед по палубе. Тогда Ганнеке опять подошел к нему:

– Я передал ваше желание ребятам, господин Стеен, и очень это было кстати, потому они все чертовски против датчан злы; они, видите ли, полагают, что это датские каперы гнались за нашей Бойской флотилией и ее...

– Молчать! – гневно крикнул хозяин, топнув ногой.

Ганнеке с испугом посмотрел в искаженное гневом лицо хозяина; он видел, что Стеен вдруг весь затрясся от злобы... Рыбак отошел в сторону, глубоко опечаленный, бормоча про себя:

– Таким мне его еще не случалось видеть – со мной он бывал всегда такой обходительный... А всему эти проклятые датчане виной!

И снова взгляд Стеена углубился в синюю даль. Последние недели было нелегко ему пережить и много пришлось вынести огорчений. Он был недоволен и собой, и всем миром, и всем, что когда-либо казалось ему дорогим и милым. Одного дня – да! – одного удара было достаточно для того, чтобы уничтожить, разрушить все его планы.

Госвин Стеен всегда, «от младых ногтей» был человеком осторожным, принимавшимся за дело лишь тогда, когда он мог быть твердо уверен в его счастливом исходе. Этой мудрой предусмотрительностью он сумел добиться уважения и почтения со стороны всех своих сограждан; все искали его советов и принимали эти советы за решения оракула. Никогда еще ему не случалось ошибаться, никогда еще ни одно из его прорицаний не оставалось неисполненным. Много раз совет города Любека обращался к нему с просьбой принять на себя звание и должность бюргермейстера, и Госвин Стеен не изъявлял на то согласия, так как он отлично знал пределы своих возможностей и говорил себе, что предлагаемая ему должность слишком затруднительна и что, занимая ее, мудрено на всех угодить. А ему хотелось среди всех своих сограждан оставаться единственным непогрешимым и безупречным; ему любо было слышать, как почитатели его, вздыхая, говорили:

– Да! Вот если бы Госвин Стеен был у нас бюргермейстером, так в городе-то все бы на иной лад пошло!

Когда зимой происходили совещания о том, кому поручить командование главным военным кораблем, который должен был благополучно провести через Зунд Бойскую флотилию, и при этих совещаниях члены магистрата не могли прийти ни к какому решению, тем более что бюргермейстер Иоганн Виттенбург в течение лета должен был вести переговоры в Брюгге и потому не мог принять на себя командование кораблем, тогда вдруг поднялся со своего места Госвин Стеен и сказал:

– Доверьте командование кораблем самому юному из наших членов, назначьте его командиром сына моего Реймара, и я надеюсь, что вы в этом не раскаетесь.

Господа члены магистрата, услышав эту речь, молча обменялись между собой удивленными взглядами; но та уверенность, с какой Госвин Стеен говорил, показалась им вполне убедительной, и они единогласно возложили на Реймара эту трудную обязанность. На большом корабле, с сильным, многочисленным и хорошо вооруженным экипажем в четыреста человек, с разным воинским снаряжением и запасом на носу и корме судна, Реймар вышел в начале июня из гавани Травемюнде и направился смело к Норезунду. Четыре недели спустя тот же военный корабль возвратился в ту же гавань один – и при нем не было Бойской флотилии. Вся флотилия, с богатейшим грузом товаров, который ценили в 400 тысяч марок, попала в руки пиратов, от которых Реймар Стеен не сумел защитить флотилию. Кто были эти морские разбойники – датчане ли, норвежцы ли, финны или русские, – этого никто определенно сказать не мог, потому что, пока они грабили флотилию, Реймар Стеен должен был выдерживать упорную битву с каким-то сильным иноземным кораблем. Какой-то странный туман покрывал все это дело, и никто не мог в этот туман проникнуть, так как весь экипаж Бойской флотилии был захвачен в плен, а все люди, находившиеся с Реймаром на военном корабле, хранили мрачное и глубокое молчание. Пострадавшие любекские купцы подняли было крик и в своем кругу стали между собой поговаривать, что Бойскую флотилию можно было бы, конечно, спасти, если бы командиром ганзейского военного корабля был человек более опытный, однако же Реймар, после того как он отдал отчет совету обо всем ходе дела, не был привлечен ни к какой дальнейшей ответственности. Где нет истца, там и судье делать нечего; а для того чтобы затеять какое-нибудь дело против Реймара, не было необходимых улик, и потому именно любекский городской совет, против всякого ожидания, выказал себя в данном случае чрезвычайно снисходительным. В городе ходили слухи, объяснявшие эту снисходительность довольно своеобразно; говорили, что Госвин Стеен принял на себя все убытки, понесенные отдельными

членами совета вследствие гибели Бойской флотилии... Сумма, уплаченная им, по слухам, равнялась 150 тысяч марок.

Так и уладилось дело. Реймар был послан отцом в Визби, чтобы отныне заведовать его тамошними делами, и вся эта неприятная история забылась и быльем поросла.

Но в сердце Госвина Стеена осталось больное место, которое ныло при малейшем прикосновении. Часто достаточно было одного нечаянно вырвавшегося слова, даже взгляда, для того чтобы задеть за живое пронизательного купца. Но более всего угнетало, давило его то, что он видел, как всеобщее слепое доверие к нему его сограждан, их вера в то, что Госвин Стеен не может ошибаться, разлетелась прахом. И его честолюбию был этим нанесен жестокий удар!

Друзья и ближайšie знакомые не без участия смотрели на внутренние страдания этого всеми уважаемого человека, и даже большинство его служащих понимали его горе. Беззаветно преданный ему Ганнеке понимал это лучше многих других и старался всеми силами развлечь и рассеять своего любимого хозяина. Как только, бывало, Госвин задумается и углубится в свои грустные размышления, Ганнеке уж непременно окажется около него и найдет какой-нибудь повод, чтобы с ним заговорить.

Так поступил он и в ту минуту, о которой мы теперь рассказываем читателю. Он повел опять речь о сетях.

– Теперь, господин Стеен, все сети у нас наверху и сельдям зададим гонку. Полагаю, нынче улов-то недурен будет.

Хозяин не отвечал ни слова и продолжал смотреть вдаль.

– Жаль только одного, – продолжал добродушный Ганнеке, – что вот нынче с засолом будет вам поруха, потому не будет у нас этой самой крупнозернистой бойской соли и...

Суровый взгляд хозяина заставил Ганнеке перервать речь на полуслове; но он постарался заглядить свою ошибку и продолжал:

– Вот теперь, как едем-то на лов сельдей, так и вспоминается мне мой сын Ян; года два тому назад я брал его тоже с собой на Шонен... Там ведь у меня шурин есть – сторожем приставлен... Так это к нему погостить мы ездили...

Хозяин глянул в сторону Ганнеке, нетерпеливо ожидая окончания его бессвязной речи.

– Это об Яне-то мне вспомнилось, и я хотел вам сказать, что он меня не на шутку радует, господин Стеен, и старуху мою тоже. И уж так-то мы господину Реймару благодарны, что он взял Яна с собой в Визби и определил при деле, ведь вот уж скоро этому два года минет! Намедни приехал из Визби мой родственник, Бульмеринг, бочар, – сдавал там бочки, – ну, и Яна видел. Говорит, совсем приказчиком смотрит.

Счастливый и довольный отец при этих словах так широко и радостно улыбался, что луч его радости запал и в сердце Госвина Стеена. Он, конечно, вскоре снова впал бы в раздумье, но Шонен был уже близко, работы предстояло на корабле много, и Ганнеке мог быть уверен, что его хозяину теперь будет некогда задумываться.

Юго-западная оконечность Шонена представляет собой безотрадный, плоский и низменный песчаный откос, далеко вдающийся в море; но во время лова сельдей этот откос бывал так оживлен, так полон шума и движения, что это обыкновенно столь скучное и угрюмое побережье становилось просто неузнаваемым. Тысячи рыбачьих барок были разбросаны в открытом море, около расставленных ими сетей, и подходящие большие суда должны были принимать всякие меры предосторожности и лавировать очень искусно, чтобы никому не причинить тем ущерба. На берегу тоже кипела своеобразная деятельность: множество бондарей работали над бочками, в которые складывались соленые сельди.

На пространстве между замками Скалёр и Фальстербо главным образом и толпился народ; там-то и происходила главная сельдяная ярмарка немецкой Ганзы. Место, на котором ганзейцы имели право торга и над которым развевался флаг их городов, они окопали глубоким ровом и отделили валом и частоколом от остального острова, составлявшего ныне датское вла-

дение. Каждому отдельному городу на этом клочке земли принадлежали особые поселения, называвшиеся виттами и, в свою очередь, отделявшиеся одно от другого тыном, на котором прибит был герб города. В каждой витте были свои особые каменные дома для копчения и соления сельдей, и деревянные таверны, и лавки для рыбаков и ремесленников, равно как и амбары, и склады для всякого рода товаров.

Витта любечан на Шонене была одной из самых главных; даже управление ею было поручено особому фогту (управляющему) из членов любекского магистрата. К любекской витте с одной стороны примыкала витта прусских городов, а с другой – ростокская, штральзундская и висмаркская витты.

Среди рыбного товара, наваленного среди груд соли и всякой копченой снеди, в особых лавках выставлены были напоказ драгоценнейшие европейские товары – шелковые материи и нидерландские сукна, южные вина и восточные пряности, так как ганзейские корабли никогда не приходили на сельдяную ловлю пустыми, а постоянно привозили с собой груз товаров. На пустынном полуостровке мало-помалу развилась ярмарка, которая могла смело соперничать с самыми крупными ярмарками в больших и многолюдных городах. Таким образом ганзейцы достигали разом двух целей: беспошлинно вывозили с Шонена богатейший запас сельдей (с каждого корабля взималась лишь самая ничтожная подать), который продавали у себя дома с большой выгодой, и при этом беспошлинно же ввозили на Шонен свои и чужие товары, доставляя постоянный заработок своим кораблям. На ганзейских виттах не дозволялось жить никакому иноземцу, и даже сам датский фогт, управлявший Шоненом, мог на основании установившегося обычая оставаться здесь только один день для посола сельди, выловленной на долю датского короля. Вообще, только ганзейским рыбакам было предоставлено право производить рыбную ловлю, точно так же как и соление рыбы могло производиться только при помощи рабочих-ганзейцев. Вследствие этого немецким купцам исключительно принадлежали все выгоды торгового снабжения сельдями не одну только Германию, но и Англию, и Нидерланды, и Швецию, и Россию с Польшей.

На Шонене, как и вообще во всех остальных ганзейских поселениях, все было подчинено строжайшей дисциплине, и за соблюдением всяких законоположений, касающихся рыбной ловли, торговли вообще и рыночного торгового в частности, следили очень зорко. Богобоязненные ганзейцы позаботились и о том, чтобы там же воздвигнута была немецкая церковь, в которой богослужение совершалось монахом. Рядом с церковью находилась и обычная в то время оружейная палата, в которой все, собиравшиеся переступить порог церкви, должны были складывать оружие. Предосторожность далеко не излишняя: в Средние века кровь билась в жилах не по-нашему и рука слишком поспешно хваталась за меч и за нож!

VII. Загадочный незнакомец

Было уже далеко за полдень, когда Госвин Стеен причалил на своей шнеке к Шонену. Словно из раскаленной печи повеяло с берега на него и на весь его экипаж; прибрежный песок жег им ноги. Июльское солнце палило так сильно, что смола, которой были обмазаны суда, таяла и наполняла воздух своим острым ароматом.

Госвин Стеен был встречен с большой радостью. Хотя его приветствовали и принимали люди, большей частью ему подчиненные и состоявшие на службе у него и прибывшие сюда ранее его на легких рыболовных судах, однако же при его нынешнем грустном настроении и этот радушный прием был ему очень приятен.

Какой-то иноземец, стоявший в стороне на берегу (Стеену никогда еще не случалось видеть его на Шонене), по-видимому, смотрел с завистью на почетный прием, оказанный Госвину, и не сводил с него своих недобрых глаз. Госвин повернулся в его сторону и не мог отвести глаз от иноземца, который привлекал его к себе словно какими-то чарами. Вглядываясь в этого иноземца, Стеен стал припоминать, и ему показалось, что он его уже где-то видел. Но, как он ни напрягал своей памяти, он никак не мог себе уяснить, где и когда это было.

Тогда он снова сосредоточил все свое внимание на своих служащих и подчиненных и спросил их, хорошо ли они без него работали.

– А вот сами изволите увидеть, господин Стеен, – весело крикнули ему все в один голос, – как пожалуете к нам, в нашу витту.

В этой витте была такая суматоха, что она представляла собой суший муравейник. Но как в муравейнике, так и здесь, в этой любекской витте, все происходило на основании твердо установленных правил. Многие сотни рук заняты были в соляных амбарах солением рыбы, между тем как другие укладывали рыбу в бочки и их устанавливали на повозки для перевозки на берег, где, еще в тот же вечер, готовы были к отплытию в Любек тридцать легких судов, постоянно поддерживавших связь с Шоненом до самого октября месяца, когда всякая деятельность на Шонене прекращалась до следующего года.

Улов рыбы в этом году был настолько изобилен, что ганзейцы не могли быть им довольны. Если при этом в среде ганзейцев и заметно было некоторое сумрачное настроение, то это главным образом следовало приписать тем тревожным известиям, которые доходили на Шонен о новых мероприятиях короля Вольдемара. Он почему-то суетливо разъезжал по всей своей стране и явно избегал встречи с теми послами Ганзейского союза, которым было поручено к нему явиться и просить его об утверждении различных обещанных им привилегий. Осторожный и хитрый аттердаг находил тысячи извинений для замедления дела и показывался то здесь, то там, очевидно, занятый приведением в исполнение каких-то таинственных замыслов и возможностью их осуществления в ближайшем будущем.

Огненно-красный шар солнца медленно погружался в морские волны, покрывая их ослепительно-красным отблеском. Госвин Стеен, распорядившись выгрузкой товаров из шнеки в магазин любекской витты, отправился на берег, чтобы там взглянуть на снаряжение рыбацких судов, готовившихся к отплытию. Множество рыбацких барок подплывали в это время к берегу, доверху нагруженные своим богатым уловом; другие же отплывали от берега в море, на ночной лов. Вдоль всего берега на ночь обыкновенно зажигались факелы, и береговые сторожа были заняты именно тем, что расставляли их.

Тут опять попался на глаза Госвину тот же иноземец и опять посмотрел на него так же враждебно. Близкое присутствие его до такой степени неприятно влияло на Госвина, что он не остался на берегу, а вернулся в ганзейскую витту.

– Сановитый господин! – заметил иноземец одному из береговых сторожей, кивая в сторону удалявшегося Стеена.

– Еще бы! – сказал сторож и подмигнул одному из стоявших около него рыбаков.
– Этого господина не на всяких весах и взвесить-то можно.
– А разве знаешь, кто это такой?
– Коли не ошибаюсь, должно быть, господин Госвин Стеен из Любека.
– Да! Да! – подтвердил сторож, посмеиваясь. – А мы его по-здешнему еще иначе называем.

– А как?
– Зовем его сельдяным рыцарем, потому, видите ли, что он на сельдях и разбогател, и теперь такую силу забрал в руки – что твой барон!

– Не одной сельдью он разбогател, шурин, – вступился рыбак, – ты небось забыл, каков он в работе-то да какова у него голова-то!..

– Так-то так, – продолжал подшучивать сторож Шрётер, – голова головой, а разбогатеть помогли ему и те золотые лисички, которые его супруга принесла с собой в приданое.

– Да разве супруга Стеена происходит из такого богатого дома? – спросил иноземец.

– Полагаю, – сухо отрезал Ганнеке. – Ведь наш-то господин взял за себя дочь богача Вульфа фон Вульфманна из Штральзунда, о котором рассказывают, что он даже и сидел не иначе, как на серебряной лавке. Мой родственник, бочар Бульмеринг, который поставляет ему бочки для погреба, рассказывал мне, что все стены в его доме увешаны драгоценными коврами. Так-то! А как он свою свадьбу праздновал, то приказал – словно король в коронаванье – всю улицу от своего дома до церкви выстлать лундским сукном да музыкантов герцогских нанял и играть заставил. Одних блюд за свадебным обедом было восемьдесят! – заключил не без некоторой гордости Ганнеке.

– Господи боже мой! – сказал сторож с глубоким вздохом. – Как подумаешь! Когда я женился на моей Дороте, так мы с ней были рады-радешеньки, что у нас хоть селедки-то были.

– Почем знать? Вам, может быть, ваши селедки вкуснее казались, нежели Вульффу весь его роскошный свадебный пир. Он и при всем своем богатстве ничем не был доволен, потому что у него не хватало именно той теплоты сердечной, которой в такой высокой степени обладает наш господин Стеен. Это, точно, такой человек, которого нельзя не уважать.

– Он значит не очень строг? – спросил иноземец.

– Строгонек таки он, но зато и добр при этом, – сказал Ганнеке.

– Ведь у него, кажется, и сын есть? – продолжал расспрашивать иноземец.

– Как же! Господин Реймар – и тоже славный господин.

– Тот, верно, теперь заведует делами отца в Любеке?

– Нет, он нынче живет в Визби, потому...

– А почему бы это?

– Ах! – с досадой сказал Ганнеке, почесывая за ухом. – Вышла тут одна история... Я, право, и сам не знаю, как это случилось... Мало ли там что злые языки болтают...

– А скажите, пожалуйста, могу ли я сегодня еще переговорить с господином Госвином Стееном? – спросил иноземец после некоторого молчания.

– О да, я полагаю, – сказал Ганнеке. – Сельдяные суда уже нагружены. Не хотите ли, чтобы я свел вас в нашу витту?

Иноземец охотно согласился на это предложение и направился вслед за старым рыбаком.

Ганзейские купцы бывали замечательно невзыскательны в своих житейских потребностях. В этом можно было убедиться и по убранству той маленькой комнатки, в которой жил Госвин Стеен на любекской витте. Жесткая койка, стул да рабочий стол составляли всю мебель в комнатке. Хозяин был занят вычислением прибылей, которые должен был ему принести улов сельдей за нынешний год, когда его занятия были прерваны приходом Ганнеке и другого, не известного ему лица, в котором Госвин тотчас признал странного незнакомца. Несмотря на то что лицо незнакомца теперь не носило на себе ни малейшего признака враждебности, Госвин

все же почувствовал в душе своей при входе его нечто вроде внутреннего трепета или замиранья сердца.

– Что вам угодно? – спросил его Стеен очень неприветливо.

– Извините, господин Стеен, – вступился Ганнеке, – этот господин желает с вами переговорить, так вот я его сюда и привел, потому, как вы знаете, никакой иноземец не имеет права входа в наши витты.

– Чего же вам от меня нужно? – переспросил Стеен тем же сухим тоном у незнакомца.

– Мне нужно бы с вами сладить небольшое дельце, – очень вкрадчиво заговорил незнакомец.

Госвин Стеен пристально посмотрел на него и после некоторого молчания сказал:

– Должно быть, я уже встречал вас где-нибудь прежде?

– Легко может быть. Быть может, вы находились в числе членов того общего собрания любекской думы, в которое я вносил свою просьбу об изменении произнесенного против меня тяжкого приговора.

– А! Теперь признаю вас! – воскликнул Стеен. – Вы тот самый датчанин, которого мы исключили из Ганзейского союза.

– Родом я действительно датчанин, – отвечал Кнут Торсен, – однако же я в Визби приобрел права немецкого гражданства. Иначе я бы не мог попасть в состав Ганзейского союза.

– Не затем ли вы пришли сюда, чтобы вновь повторить вашу просьбу? – спросил Стеен, на которого по-прежнему присутствие датчанина действовало чрезвычайно неприятно. – В таком случае знайте заранее, что я тут ничего не могу сделать.

– Само собой разумеется. Так всегда и отвечают в подобных случаях.

Стеен быстро глянул на говорившего и добавил:

– Да если бы я даже и мог что-нибудь сделать, то и тогда бы не сделал, потому что ваш проступок принадлежит к числу наиболее важных. Нарушение доверия между нами, ганзейцами, наказуется очень строго...

– Ну, положим, что не для всех бывают наказания равны! – заметил Торсен, злобно и лукаво искривив губы в подобие улыбки.

– Что вы этим хотите сказать? – резко спросил Стеен.

– А то и хочу сказать, что иному и нарушение доверия легко сходит с рук, потому что его судьям глаза червонцами прикрывают.

Оба собеседника взглянули друг на друга взглядом смертельной ненависти: оба отлично понимали тайный смысл произнесенных слов; и Стеен теперь стал догадываться, зачем именно к нему Кнут Торсен пожаловал.

– Ну, что же далее? Говорите! – почти повелительно обратился он к датчанину.

Торсен указал на стоявшего у входа Ганнеке и, пожав плечами, отвечал:

– Если вас не стеснит его присутствие, то я могу сейчас перейти к главной сути нашего дела.

– Ступай, – обратился Госвин к Ганнеке, – но будь под рукой. Может быть, ты мне понадобишься.

И при этом он подозрительно окинул взглядом Кнута Торсена, который ответил на этот взгляд словами:

– Не беспокойтесь, я не причиню вам никакого вреда.

Стеен не удостоил его ответом, а только выпрямился во весь рост и опустил левую руку на рукоять меча.

Ганнеке невольно улыбнулся, выходя из комнатки. Невзрачная, приземистая фигура датчанина, в сравнении с рослым и плечистым старым купцом, представлялась просто ничтожеством, и потому его последние, успокоительные слова представлялись в устах его чем-то вроде неуместной похвалы...

«Кабы я мог предвидеть, – думал про себя Ганнеке, – что посещение этого иноземца причинит такую неприятность доброму господину Стеену, я бы его вовсе и не привел сюда. И ведь тоже – датчанин! Волк его заешь! Однако говорит-то он по-немецки настолько хорошо, что и не разберешь, откуда он родом».

Ганнеке и еще некоторое время продолжал что-то бормотать себе под нос: у него была эта привычка, тем более что и вообще молчать был он не охотник.

Сначала он было присел на скамейку в витте, но посидел на ней недолго. Гневный голос Стеена громко раздавался в маленьком домике, и до слуха Ганнеке донеслись среди вечерней тишины резкие звуки спора или перебранки, в которой и голос датчанина не уступал по силе голосу Стеена. Но когда Ганнеке подошел к дверям домика – в комнатке все опять стихло: оба собеседника, очевидно, смолкли на мгновение.

Рыбак, покачивая головой, вернулся опять на свою скамью и опять что-то стал бормотать себе под нос, выражая разные догадки и предположения.

Во всей витте царствовала полнейшая тишина: рыбаки, ремесленники и работники отдыхали от своего тяжелого дневного труда, который должен был опять начаться с восходом солнца.

Только в таверне по берегу еще слышалось некоторое движение, так как там обыкновенно толкались иноземные корабельщики, зафрахтованные ганзейцами и наутро уже готовившиеся к отплытию.

Темнота быстро возрастала. На берегу и по взморью тускло мерцали смоленные факелы и смоляные бочки, то есть плавучие бочонки с горячей смолой, цепями прикрепленные к берегу и поставленные на мелях и вблизи подводных камней для охраны подходящих кораблей от опасности.

Эти огни напомнили Ганнеке о его шурине, который должен был всю ночь бродить вдоль по берегу. Охотно пошел бы Ганнеке с ним поболтать и побеседовать о своей почтенной супруге Марике и о своем возлюбленном сыне Яне, который подавал такие большие надежды. Но нельзя было сойти с места: приказано было быть под рукой.

Датчанин долго засиделся у Госвина Стеена. Уж все звезды засветились на небосклоне, уж холодным ночным ветром потянуло с моря, так что Ганнеке, привычный к стуже, нашел нужным натянуть себе на плечи какой-то старый брезент... А датчанин все не выходил от Стеена. Царившая кругом тишина и сырой холод, пронизывавший человека насквозь, – все это напоминало Ганнеке, что он на чужбине, да еще на какой неприветной чужбине, где и климат, и море, и люди одинаково хмуры и пасмурны. А добродушному Ганнеке в этом холоде и тишине было не по нутру. Привычный к городскому шуму и движению, он только там себя хорошо и чувствовал, где около него текла жизнь деятельная, веселая, пестрая, как на торговой площади в Любеке. Он рад был радешенек, когда, наконец, раздался в темноте голос его господина и он был призван в его комнатку.

В комнате царила такая тьма, что хоть глаз выколи. Стеен среди своей важной и таинственной беседы с незнакомцем совсем позабыл об освещении и только теперь приказал Ганнеке принести огня.

Верному слуге показалось, что голос его господина звучит как-то странно. Он вышел за огнем и внес в комнату светец, который и поставил на полочку около двери. Только тут успел он рассмотреть лицо Стеена и просто в ужас пришел! Смертельная бледность покрывала его щеки, и странное смущение было написано во всех чертах. Кнут Торсен, напротив, преспокойно осматривал все углы комнаты, как будто ничего особенного между ним и Госвином не произошло.

– Теперь вы позволите мне удалиться, – сказал он, обращаясь к Госвину, который тяжело дышал и был страшно взволнован. – Я проведу ночь в прибрежной таверне, а завтра через Мальмё возвращусь в Копенгаген.

Сказав это, он слегка поклонился и направился к выходу.

– Проводи его из нашей витты, – приказал Госвин рыбаку, ожидавшему распоряжения. Тот, испуганный выражением лица своего господина, хотел было к нему обратиться с вопросом участия; но Госвин так нетерпеливо и повелительно махнул рукой, указывая на двери, что Ганнеке должен был повиниться и вышел из комнаты вместе с датчанином, к которому почувствовал еще более отвращения.

VIII. Датчане в Визби

Когда Стеен остался один в комнате, он в страшном волнении бросился на стул и закрыл себе лицо руками. В таком положении он и оставался несколько минут. Тяжело он дышал, казалось даже, как будто среди его вздохов слышались рыдания. Но когда он отнял руки от лица и мощной рукой оперся о стол, то в глазах его не видно было слез: в них скорее выразалась какая-то дикая решимость. Губы были плотно сжаты, а вздутые на лбу жилы свидетельствовали о страшном гневе, кипевшем в сердце Стеена.

Он злобно засмеялся, но тотчас после того прижал обе руки к сердцу, как бы ощущая в нем жестокую боль, вскочил со стула и поспешно открыл маленькое окошечко. Прохладный ночной ветерок освежил его и на минуту оказал благодатное влияние на его сильно возбужденные нервы.

Но, видимо, новый порыв отчаяния овладел им вскоре после того, и он опять опустился на стул, закрыв лицо обеими руками.

В таком положении застал его Ганнеке по возвращении. Перепуганный, подошел он к хозяину и воскликнул:

– Добрый вы мой, бедный господин Стеен, что с вами такое?

Госвин не мог выговорить ни слова. Он только покачал головой.

– Нет, уж нет, – продолжал Ганнеке в большом волнении, – вы уж, пожалуйста, теперь от меня не укрывайтесь, хоть я и бедный, и простой человек, и вам не ровня! Поверьте, что наш брат иногда вас, господ, лучше понимает, нежели и вы-то сами себя понимаете!

Купец мотнул головой и крепко пожал мозолистую руку честного рыбака.

– Вы мне дороги, господин Стеен, – продолжал Ганнеке (и две крупные слезы текли по щекам его), – так дороги, как если бы вы мне братом были родным, не в обиду вам будь сказано. Ах, господин Стеен, ведь мы-то все только у одного Господа, Спасителя нашего, и находим себе утешение в печалях: он тоже ведь был простой человек. И уж вы не побрезгуйте моей к вам преданностью и привязанностью. Как бы вы были теперь дома, в кругу вашего семейства, так я бы не посмел к вам навязываться с моим участием; ну, а ведь здесь-то вы одиноки, и мне сдается, что вам было бы полегче, как бы вы немножко порассказали.

Госвин Стеен прижал руку рыбака к своему сердцу.

– Ты – добрый, дорогой, преданный мне человек, – сказал он дрожащим голосом, который невольно выдавал его внутреннее волнение, – и, поверь мне, я высоко ценю твои заботы обо мне. Но тебе нечего обо мне тревожиться. Мы все – люди. Все поддаемся иногда тяжелому настроению, но ведь это проходит, минует... Я вот и теперь уже чувствую себя гораздо тверже...

Ганнеке взглянул на говорившего испытующим оком.

– Полно, так ли, господин Стеен? – спросил он с некоторым недоверием.

Купец не ответил. Взор его, выразивший отчаяние, блуждал по стенам маленькой комнаты, руки судорожно сжимались – и вдруг неудержимый стон вырвался из груди его.

– Ой, ой, ой! – вскрикнул перепуганный Ганнеке. – Что же это с вами, господин Стеен! Да ответьте же, Христа ради! – умолял он хозяина, который сидел перед ним как окаменелый. – Ответьте, коли у вас язык не отнялся! Хоть словечко вымолвите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.